

ДРУГИЕ
МИРЫ

Лесса Каури

ЗОЛУШКИ НАШЕГО
ДВОРА

Annotation

Брунгильда Рафарин — Матушка Бруни — обычная владелица трактира, в одночасье становится невестой его высочества принца Аркея и богатейшей женщиной страны. Как остаться самой собой? Как не потеряться в коридорах королевского замка? Как найти своё место в мире? И когда ты найдешь ответы на все эти вопросы, тебя, как и другую девушку, станут называть «ваше величество». Вот только ей повезло не так, как тебе...

Третья книга цикла «Сказки Тикрейской земли».

Лесса Каури

Золушки нашего Двора

© Л. Каури, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Брунгильда Рафарин, владелица трактира «У Матушки Бруни», едва сдержала вскрик. Будто вынырнула из-под толщи воды для первого глотка воздуха или проснулась от тяжелого кошмара, чтобы... ощутить себя не в реальности, а в ее новом ватном слое, полном девиц в разноцветных платьях, громко щебечущих, теребящих ее и отчего-то похожих на монпансье, высыпавшееся из коробки.

— Поднимите руки, госпожа, мы снимем эти тряпки...

— Переступите через платье!

— Госпожа, купальня в той стороне, куда вы пошли?

— Пресвятые тапочки, какая непонятливая!..

— Красивые волосы у будущей принцессы, густые, темные!

— Девочки, это прекрасно — не придется мучиться со шпильками и шиньонами!

— Идите за нами!

В мгновение ока Бруни оказалась раздета донага и отведена в купальню, где стояла огромных размеров ванна на позолоченных львиных лапах.

Чужие руки терли ей спину, ерошили волосы, намазывая их по всей длине каким-то резко пахнущим средством. От ванны поднимались клубы пара, по лицу тек пот, было душно, нервно, злобно. Если действительно существовала Аркаешева преисподняя, то выглядела она именно так!

— Бруни, — раздался от двери родной голос, — наконец-то я тебя нашел! А ну-ка, все вышли отсюда!

«Монпансье» дружно сделали книксен и исчезли в мгновение ока, сопровождаемые жаркими шепотками.

— Кай! — чуть не плача, Матушка рванулась к нему из купальни, позабыв о том, что не одета, о забрызганном водой скользком поле.

Принц подхватил ее на руки, смеясь и целуя в полные ужаса глаза.

— Бедная моя девочка, напугали они тебя, да?

Бруни мелко закивала.

— Не бойся их! Они остры на язык и бестолковы, но ни один дворец не обходится без целой армии фрейлин, горничных и служанок разного пошиба! Ты позволишь мне принять ванну вместе с тобой?

Когда Кай был рядом, Бруни согласилась бы на что угодно, лишь бы никуда не отпускать его от себя. В этом чужом и огромном замке он оказался единственным островком родного мира, оставшегося за суровыми стенами.

Принц разделся и залез к ней. Как ни растеряна Матушка была случившимся этим

утром, как ни испугана последующим вмешательством в ее личную жизнь чужих людей, рук, голосов, вмешательством, унижавшим ее, — тоска по любимому перекрыла все, заставив ее беззастенчиво прикинуться к его сильно исхудавшему телу. Она даже застонала от жалости, оглаживая жадными ладонями его впалый живот.

— Милая, — засмеялся Кай, целуя ее в глаза и губы, — это все мясо, которое нарастет! Будешь готовить мне свои замечательные омлеты и булочки — и я быстро поправлюсь и стану выглядеть как мастер Пип!

Бруни невольно рассмеялась. Представить Кая растолстевшим было решительно невозможно, так же как его отца. Его величество Редьярд в свои годы набрал совсем немного лишнего веса, просто заматерел, отяжелел костяком, отчего казался огромным. Но толстым назвать его язык повернулся бы разве только у шута, да и то более в профилактических целях, нежели всерьез!

Прижав любимую к себе, прикрыв глаза от наслаждения, принц гладил ее гладкую кожу и целовал, не торопясь... Да, он скучал, желал ее с силой и страстью той части темперамента, что досталась ему от отца. Но другая, материнская, удерживала порыв, заставляя не торопить мгновения наедине. Мгновения, которых у будущего короля могло быть не очень много.

— Мы всю воду расплескаем... — смутилась Бруни.

— Пусть тебя это больше не беспокоит, — улыбнулся Кай, — чистота полов, окон, белья... У принцесс другие заботы!

— Готовить... принцу... омлеты?... — уже задыхаясь от страсти, простонала Матушка.

Аркей накрыл своими губами ее губы, не давая ответа.

После они лежали в ванне и тихо разговаривали до тех пор, пока вода окончательно не остыла. Бруни рассказывала о том, как тянулось без него время, как однажды на подоконник в ее комнате пал белый отсвет юного снега и она поняла, что он, Кай, вернулся. Как решила, что больше ему не нужна... Принц слушал молча, внимательно, как, наверное, умел слушать только он. Лишь иногда целовал ее, лежащую спиной на его груди, в макушку, в ухо и в висок — куда удавалось дотянуться. Она не сказала ни слова о проклятье и о том, как пыталась найти от него средство, но отчего-то ей казалось, будто Кай и так знает об этом. Когда она замолчала, заговорил он. Поведал об инспекции пограничных гарнизонов, о своем возвращении во дворец и разговоре с отцом. О времени, проведенном впроголодь в холодной темнице, полной крыс. Нет, он не жаловался — странно было бы представить его высочество Аркея, требующего жалости к себе. Говорил равнодушно: просто констатировал факты.

— Не сердись на отца, прошу тебя, — в заключение сказал он. — Он не дал бы согласия на брак, если бы не убедился в искренности наших чувств!

— Я не сержусь, — Бруни повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, — наверное, я все понимаю... но пока страх потерять тебя жив в моей душе, я не смогу быть... милой с ним. Прости меня за это!

— Ну как ты можешь быть не милой, родная? — рассмеялся Аркей и крутанул бронзовый вентиль крана с горячей водой. — Сейчас мы приведем себя в порядок и вновь окажемся на людях. Ты готова?

— Только не оставляй меня одну! — взмолилась Матушка.

— Нет, — серьезно покачал головой Кай. — Ни за что! Никогда! Но учти, родная, у меня обычно дни проходят ужасно неинтересно. Если ты хочешь постоянно быть рядом — скоро заскучаешь, уверен!

— Не попробую — не узнаю! — улыбнулась Бруни и взяла с каменного блюда на краю ванны шикарную морскую губку. — Давай я потру тебе спинку, мой скучный государственный деятель! А потом стисну зубы и перестану бояться выйти отсюда! Только... только обещай мне, что поможешь одеться? Я видела платье, которое девушки приготовили... Сама я с ним не справлюсь!

— Боюсь, я с ним тоже не справлюсь! — покраснел Кай. — Ну да ладно, что-нибудь придумаем!

После мытья принц поставил Бруни, закутанную в огромное полотенце и оттого напоминающую статую, в центр комнаты и оделся сам. А затем задумчиво обошел возлюбленную, кидая взоры то на нее, то на предметы женского туалета, разложенные на специальном столике.

В дверь деликатно постучали, когда он уже готов был сдаться и позвать кого-нибудь из слуганок.

— Кто там? — испуганно воскликнула Матушка. В полотенце было тепло, уютно, и вылезать из него ради одевания цвета черной смородины, украшенного белыми, на вид жесткими и острыми кружевами, совсем не хотелось.

— Это Туссиана Сузон, госпожа, — раздался знакомый голос, — первая горничная герцогини Агнуши рю Филонель. Ее светлость прислала меня помочь вам с костюмом и прической, справедливо полагая, что от спешно приставленной к вам прислуги толку не будет.

— Слава Индари! — выдохнул Аркей, распахивая дверь перед Туссианой. — Передайте герцогине мою благодарность! Бруни, я буду ждать за дверью, хорошо?

Матушка кивнула и с болью посмотрела на закрывшиеся за ним двери. Каждый его уход отзывался в сердце страхом.

— Добрых улыбок и теплых объятий, моя дорогая! — приветствовала ее Сузон, внимательно разглядывая. — Вы позволите мне помочь вам одеться? Придворные наряды, к сожалению, созданы для того, чтобы сильно усложнить нам, слугам, жизнь!

Бруни с изумлением посмотрела на нее и улыбнулась, когда поняла, что это была шутка. — Помогите, госпожа Сузон! — попросила она.

— Я прошу звать меня просто по имени, — подняла брови горничная, выбирая из разложенной одежды расшитые кружевами панталончики. — Прошли те времена, когда я была для вас госпожой, Брунгильда! Отныне вы госпожа для всех, кроме, может быть, его величества и их высочеств!

— Мне пока сложно в это поверить... — пробормотала Бруни, пока ловкие руки горничной разматывали на ней полотенце.

— Прекрасно понимаю вас, — кивнула Туссиана, подавая ей первый, интимный, предмет туалета. Тот самый, в кружевах. — Но придется привыкать! Деваться-то некуда!

— Точно! — вздохнула Матушка и посмотрела на собеседницу с благодарностью.

Спокойное поведение Туссианы, привычка называть вещи своими именами и отсутствие подобострастия и наглости — тех самых черт, что она наблюдала у «монпансье», — оказывали на Бруни благоприятное действие.

Спустя полчаса она была одета. Строгое платье заставило вспомнить виденную однажды в их квартале даму-благотворительницу (из тех, что жертвовали деньги на храмовые школы и детские приюты). Однако горничная благосклонно кивнула, из чего Матушка сделала вывод, что платье ей к лицу.

— Мне кажется, вам не стоит носить вычурные прически, — заметила Туссиана, усаживая подопечную в кресло перед широким зеркалом. — Я сделаю простой пучок, украшу его парой шпилек со стразами и выпущу пряди — здесь и здесь. С одной стороны, такая прическа подойдет по стилю к платью, с другой — не будет бросаться в глаза и выдавать вас не за ту, кем вы являетесь.

Бруни поймала ее ладонь и, на мгновение задержав в своей, сказала:

— Благодарю вас, Туссиана, за помощь! От всего сердца!

Горничная, кажется, смутилась, что было ей не свойственно. Сочувственно похлопала Бруни по руке и занялась прической.

Когда Матушка наконец вышла из комнаты, Кай стоял у окна. Судя по всему, он успел переодеться: из-под рукавов и ворота нового полковничьего мундира выглядывали белоснежные кружева рубашки, а начищенные сапоги блестели.

Обернувшись, принц посмотрел на Бруни и улыбнулся одними глазами. Сердце Матушки зашлось в сладкой неге — так безмолвно признаваться в любви и восхищении мог только он, ее Кай!

Коротко кивнув вышедшей следом Туссиане, принц подал суженой руку.

— Идем, родная! Отец сейчас обсуждает со свадебным распорядителем предстоящую церемонию, в которую из-за нас с тобой внесли изменения. Надо бы поприсутствовать!

Рядом с ним Матушку охватывало странное ощущение нереальности происходящего. Разве это она, похожая на знатную даму, идет по коридорам, устланным коврами с традиционным ласурским орнаментом? Разве это ей кланяются все встречные, а гвардейцы, охраняющие двери, берут на караул? Но разве за руку ее держит не тот человек, с которым она простилась навсегда, а потом обрела снова и опять готова была потерять? Спокойствие спутника поневоле передавалось и ей. Аркей сотни и тысячи раз ходил этими коридорами, не замечая кланявшихся придворных — принц просто не обращал внимания на то, на что не считал нужным тратить собственное время. Матушка ощущала успокаивающее пожатие его пальцев, и каждый раз это затапливало сердце горячей радостью!

В богато обставленной комнате они застали его величество Редьярда Третьего, королевского секретаря — немолодого человека очень приятной наружности, распорядителя свадеб — мастера Горни Горина, герцога Фигли Ориша — брата королевы Орхиданы и поверенного в делах ее дочери, принцессы Ориданы. Она тоже была здесь — улыбалась, как игрушечная кукла, и молчала. Бруни с некоторой долей зависти отметила ее изящную позу, поскольку в своем платье ощущала себя как в клетке!

— Надо что-то решать с каретой! — нервно постукивая пальцами о столешницу и косясь на стоящую у окна Оридану, говорил король. — Мы не можем не использовать подарок гномов! Для них это будет обида на века, поскольку самодвижущийся экипаж они почитают венцом собственной — будь она неладна! — механической мысли!

— Поясни, отец, — попросил Кай, отодвигая стул для Бруни и усаживаясь между ней и королем, — в чем проблема?

— В ней! — буркнул король, сердито кивнув на гаракенскую принцессу, а герцог Ориш укоризненно зацокал языком. — Девушка боится механизмов и категорически отказывается сесть в карету!

— Категорически! — поднял палец Фигли, невысокий, жилистый и полный нервной энергии.

— Самодвижущаяся? — с любопытством прошептала Матушка принцу на ухо. — Она

что же, совсем без лошадей ездит?

— Совсем, — Кай поцеловал ее в лоб, не смущаясь присутствующих. Поднявшись, поклонился Оридане и заговорил медленно, давая ей время понять слова, произнесенные на фирли: — Могу я предложить вашему высочеству обменяться экипажами?

Ориш встрепенулся, бросил на принца острый взгляд.

— Менять? — деловито уточнила та, порывисто подходя к столу. Разглядев ее вблизи, Бруни подумала, что Оридана едва вышла из подросткового возраста. — На обычное?

— На обычный экипаж, который полагается нам с Бруни, — кивнул Кай. — А мы могли бы поехать в вашем, механическом. Моей невесте ужасно любопытно узнать, что это такое и как оно движется!

Оридана испытующе посмотрела на Матушку, и та кивнула, подтверждая. Залезать в венец механической мысли на колесах ей тоже страшно, но оно того стоило!

— О-о! — воскликнул герцог Ориш. — Ваше высочество Аркей так великодушен! Мы принимаем предложение! Ори, змейка моя, ты и Колей поедете в обычном экипаже, с лошадками!

— С лашадками! — засмеялась принцесса и захлопала в ладоши. — Ка-ра-шо!

— Ее высочество сказала — ка-ра-шо! — герцог, нахмурившись, посмотрел на короля. — Значит, так и решим!

Редьярд обвел компанию мрачным взглядом.

— Отец, соглашайся, — спокойно сказал Кай, — усадив в механическую карету старшего сына, ты проявишь к гномам уважения не меньше!

— А ты коварен, сынок! — вдруг улыбнулся Редьярд. — Ладно, будь по-вашему! Распорядитель Горин, обрадуйте Гильдию механиков этим известием! Их творение откроет свадебный кортеж! На этом все?

— Все! — герцог Ориш поднялся, подавая руку Оридане. — Мы надеемся увидеть ваше величество и их высочеств за ужином! И вас, моя дорогая!

Бруни с изумлением подняла глаза, догадавшись, что Фигли обращается к ней. Герцог смотрел с благожелательной улыбкой, во взгляде Ориданы промелькнули любопытство и симпатия. Матушка подумала, что, пожалуй, со смуглой принцессой с другого берега Тикрейского пролива она подружится, невзирая на ее порывистость.

Между тем король кивнул на невесту старшего сына будто на предмет интерьера:

— Для нее готовят покои, Арк. Ты собираешься таскать девушку с собой целый день или дашь ей возможность отдохнуть?

— Нет, отец! — покачал головой тот. — Она будет жить со мной, в моих покоях, спать со мной, в моей кровати. Я слишком долго ее ждал, чтобы теперь отпускать!

— Ты нарушаешь установленный порядок, сын! — поднял брови не ожидавший отпора король.

— А мне плевать, — открыто улыбнулся принц, становясь неуловимо похожим на безалаберного младшего брата.

— Ваше величество, — робко подала голос Бруни, — я не устала! Мне не надо отдыхать!

— Они спелись, слышь, братец? — Редьярд страдальчески посмотрел в дверной проем, в котором знаком вопроса застыл королевский шут.

Дрюня, подойдя, кивнул принцу как ровне, а перед Матушкой опустился на колени и, взяв ее руки, прижал к своим щекам.

— Так это ж маменька, Рэд! — воскликнул он, лукаво взглянув на его величество. —

Она всегда говорит правду! Как и твой сын!

— Я иногда умалчиваю, — признался Аркей.

— Тебе положено! — буркнул король, поднимаясь. — Идем, Дрюня, надо переговорить с рю Виллем! А тебя, дорогой строптивец, в твоём кабинете ждет гора бумаг, которые я не удосужился посмотреть. Можете читать их вдвоем, — хмыкнул он, — коли оба не устали!

И вышел в сопровождении шута.

Кай с улыбкой посмотрел на Бруни.

— Вот и начинаются скучные будни, родная, а мы еще даже не поженились!

— А что там за бумаги? — с опаской спросила Матушка.

— Сметы, балансы, доклады и кляузы... Рутинка, которую отец предпочитает сваливать на меня. Идем! Позавтракаем в кабинете!

Покои принца Аркея занимали массивную юго-западную башню дворца. На первом этаже пустовала огромная зала для танцев, на втором располагались библиотека и кабинет его высочества, а на третьем находились жилые покои и приватные помещения, куда были вхожи лишь приближенные. Подступы к башне и внутренние переходы охраняли гвардейцы в синих мундирах — из личного полка Аркея.

Зайдя в кабинет, принц крикнул в открытую дверь:

— Лисс!

Строевым шагом в комнату зашел парнишка в форме гвардейца. Уставился на командира с немым обожанием, покосился на Бруни.

— Прикажи принести нам завтрак сюда, мой друг, — кивнул ему принц. — Запеченную птицу, омлет с зеленью и булочки с маслом. Теплого молока и морса. Немного меда.

— Есть! — отсалютовал тот и, красуясь каждым движением, покинул кабинет.

— Это мой адъютант — Лисс Кройсон, — пояснил принц, усаживая Бруни в кресло у стола, — но все зовут его просто Лисенок.

— Такой молоденький? — удивилась она. — Сколько ему?

— Шестнадцать. Когда он попал в мой полк, ему едва исполнилось девять.

— И он воевал? — с ужасом спросила Бруни.

— Наравне со всеми, — тяжело вздохнул Кай. — Полк стал для него семьей, а во мне он до сих пор видит старшего брата, хотя никогда в этом не признается! Итак, чем займешься?

Матушка видела, что ее Кай уже там, с головой в этих бумагах, которые погребли под собой стол.

— Можно я погуляю по башне? — спросила она. — Должна же я разведать обстановку, в которой мне придется жить?

Принц рассеянно улыбнулся.

— Иди, конечно. Как принесут завтрак, я велю Лисенку тебя разыскать!

Матушка поднялась и направилась к выходу. На пороге оглянулась. Аркей сравнивал два документа, держа их перед лицом, смешно крутил головой и щурился, напоминая сову, застигнутую утренним светом. Бруни коротко вздохнула — рутинка, похоже, станет ее извечной соперницей в битве за внимание мужа... Мужа! Страшно-то как...

Усилием воли заставив себя не думать о предстоящей свадебной церемонии на глазах у всего Вишенрога, она направилась к лестнице, ведущей в личные покои принца. Из круглого помещения, затянутого мохнатыми северными коврами, вели четыре двери. Пройдя в первую, Бруни обнаружила купальню, уступавшую по размеру той, в которой ей уже довелось побывать.

Здесь было тепло и уютно. Из небольшого окна лился дневной свет на мозаичный, в теплых оранжево-коричневых тонах пол. Широкая деревянная скамья была крыта медвежьей шкурой, на которую набросили льняное покрывало, расшитое традиционным орнаментом. На бронзовых крюках висели полотенца, маня своей мягкостью, а на деревянном столике рядом с ванной стояла ваза со свежими яблоками и кувшин с водой.

Через боковую дверь купальни Матушка попала в следующую комнату, больше похожую на гостиную, чем на библиотеку. Низкие диваны у стен, невысокие книжные шкафы между ними, не перекрывающие оконные проемы. Легкие занавески. Интерьер украшали искусно выточенные из дерева фигурки. Небольшой камин был облицован плитами черного как ночь лазурита, взблескивающего искрами породы. А на полке над ним стояли песочные часы и секстант.

Гостиная не для гостей.

Для того чтобы побыть наедине с собственными мыслями, любимыми книгами... Гостиная человека, для которого одиночество стало верным другом!

Бруни сморгнула невольные слезы. Интерьеры рассказывали ей о Каяе больше, чем он сам.

Следующей оказалась спальня. Те же теплые коричнево-бежевые тона, которые Матушке так понравились в купальне. Три окна-эркера в дальней стене выходили на Тикрейскую гавань, из левого была хорошо видна Золотая башня и голые сейчас ветви Вишенрогского парка, который растворялся в садах, окружавших город с юго-запада. Кровать без балдахина, широкая и удобная, была застелена простым, напоминающим солдатское одеяло, покрывалом. С правой стороны на прикроватном столике — миниатюра на костяной пластинке, в цветах таких же сдержанных, как и все в этой комнате... Бруни остановилась, разглядывая ее издали. Свет из окон будто концентрировался на ней, не бликовал и не слепил, даря коже нарисованной женщины мягкое сияние, делавшее изображение почти живым. Матушке не требовалось ответа на вопрос, кто это? Портрет королевы Рейвин висел в доме Клозильды Мипидо, знала Бруни и другие дома, в которых изображения ее величества почитались наравне с алтарями Индари. «Кто бы мог подумать, — однажды сказала мать, — что девочка из угасающего рода Северных князей, о которых люди судачат, будто все их богатство — высокомерие, станет доброй королевой для всего ласурского народа!»

Матушка протянула руки к миниатюре, желая взять ее и разглядеть поближе. Но не посмела. Женщину на костяной пластинке, несомненно, звали Рейвин, но такую Рейвин она видела впервые. Художник поймал редкое мгновение откровения личности — в задумчивом и печальном выражении темных глаз, в нежных тенях на белоснежной коже, в чуть опущенных уголках четко, как у Кая, очерченного рта. О чем думала ее величество, позируя художнику, имени которого не знала трактирщица с площади Мастеровых? О неумолимом течении жизни? О прихотях судьбы, забросившей девушку из сурового края в центр цивилизации, бурлящий заговорами и интригами? Или о новом приюте для детей-сирот под патронажем короны?

Бруни так и не прикоснулась к портрету. Лишь оглянулась на него, выходя и будто безмолвно прощаясь с королевой до вечера.

Последняя дверь из круглого коридора вела в целую череду покоев, явно предназначенных для времяпровождения с друзьями. Матушка обнаружила здесь небольшой бар и курительную комнату, кабинет для игры в тарракер — карточную игру, в которую принято играть в высшем обществе, залу, увешанную оружием и пустую — не иначе

тренировочную. Размеры покоев были продиктованы лишь их назначением и не стремились к бесконечности, вещи отличались удобством и функциональностью иногда в ущерб красоте и изяществу.

Обойдя третий этаж, Бруни вернулась в больше всего понравившуюся ей библиотеку-гостиную, в которой принц, судя по всему, проводил почти все свободные часы. Пройдясь вдоль книжных шкафов, она внимательно разглядывала обложки. В ее жизни почти не было времени для чтения, хотя несколько романов Ванилька ей принесла втайне от родителей. Она называла их заумным словом «куртуазные» и призывала читать перед сном «за-ради красочных сновидений». Матушка послушно читала, краснея и по несколько раз перечитывая одни и те же строчки. Вымучив таким образом несколько романов, она пришла к выводу, что они похожи друг на друга, как курятники, различаясь лишь именами главных героев. Пирожки и те отличались друг от друга разнообразной начинкой, а в этом чтиве начинка, хоть и была переперчена, на вкус казалась пресной и однообразной!

Подобных книг в библиотеке Кая, естественно, не было. Однако Бруни с удивлением увидела в одном из шкафов «Сборник легенд и сказаний Белого Трувера, Одувана Узаморского» — самого знаменитого ласурского менестреля прошлого столетия. Баллады выходца из Северных пределов, сына рыбака, до сих пор распевали во время застолий в разных уголках страны. Певали их и в трактире Бруни. Она не раз слышала, как прачки матроны Мипидо выводили нестройными голосами:

Любовь свою встретил в зеленом саду,
Пленила меня красотой.
И вот, в этот сад каждый вечер иду
Для встречи, родная, с тобою
В зеленом саду!
Встречались весною и летом с тобой,
Под осень забрали в солдаты,
И вот по дорогам чужим я иду,
Любимая, как там одна ты
В зеленом саду?
А если родится кудрявый малыш,
Он будет с моими глазами.
Я верю, любимая, ты сохранишь
И ждет впереди встреча с вами
В зеленом саду!^[1]

Вытащив потрепанную книжицу, Матушка сбросила новые и не очень удобные туфельки, полагавшиеся к платью, и с ногами забралась на уютный диван с широким сиденьем и мягкими, будто родительские объятия, подушками. Здесь ее и застал юный адъютант его высочества спустя полчаса, чтобы пригласить на завтрак.

Завтрак сервировали всё в том же кабинете, на отдельном столике у зажженного камина: в каменной утробе дворца тепло зимой никогда не было лишним.

Почти в конце трапезы вбежал Лисс и, пытаясь отдышаться и говорить по уставу «четко, громко, ровно», затараторил:

— Ваше высочество... вам следует срочно... спуститься во внутренний двор! Архимагистр Никорин... сообщила его величеству... о скором открытии портала из Драгобужья!

Принц поднялся, бросив салфетку. Подошел к Бруни, подал ей руку.

— Идем, родная. Необходимо быть там! Лисенок, раздобудь для моей невесты теплый плащ!

Приказание повергло адъютанта в шок, однако — Матушка отдала должное смекалке парнишки — уже спустя мгновение тот метнулся из кабинета и, судя по топоту, побежал вверх по лестнице.

— Сейчас принесет тебе один из моих плащей, — усмехнулся Кай, выводя Бруни в коридор.

Застывшие в проходе гвардейцы дружно взяли на караул.

Кубарем скатившийся сверху Лисс, кося на Матушку преданным глазом, почтительно накинул ей на плечи подбитый рысьим мехом плащ.

По мере прохождения коридоров от каждого поста отделялся один из гвардейцев в синем мундире, и к концу пути за четой следовал то ли почетный кортеж, то ли охрана. Бруни вновь остро ощутила себя не в своей тарелке, однако покосилась на его высочество и машинально скопировала его выражение лица: спокойствие, граничащее с безразличием. Лишь ее щеки пылали ярче закатных тучек.

Внутри мощных замковых стен располагался хаотичный лабиринт из зданий, которые выстроили представители династии Ласурингов за долгие годы правления. Каждый новый король считал необходимым оставить след в дворцовой архитектуре, в связи с чем башни и башенки, галереи и переходы между отдельными помещениями вырастали как на дрожжах. В результате дворец мог похвастаться десятком внутренних дворов, из которых четыре были заняты зелеными насаждениями, прудиками и прочими «зонами отдыха». Сейчас в одном из самых больших «деловых» дворов был выстроен почетный караул, разделенный по периметру цветами гвардейских мундиров: впереди — черные, справа — синие, слева — голубые и сзади, где находился король и сопровождающие лица, — красные.

Кай и Бруни спустились к толпе, которая безмолвно разомкнулась пред старшим принцем. Тот привычно занял место за правым плечом его величества, кивнул брату, который пристроился за левым плечом отца. Мутные голубые глаза Колея при взгляде на Бруни вспыхнули неприкрытой радостью. Он ломанулся к ней, растолкав свиту, схватил за свободную руку и воскликнул:

— Малышка, привет! Значит, давеча ты мне не почудилась?

— Брат... — негромко сказал Аркей.

— А прикинь, — отмахнувшись от него как от мухи, продолжал тот, — мы с тобой скоро породнимся! Всегда мечтал иметь младшую сестренку, а уж такую хорошенькую тем более!

— Младшей сестры у тебя не будет, — неожиданно улыбнулся Кай, аккуратно придерживая его за плечо, — а вот старшая, строгая, но справедливая, — вполне! Вижу, над тобой поработал мэтр Жужин, привел в чувство?

Колей, помрачнев, попытался скинуть с себя его руку:

— Поверь мне, это ненадолго!

Старший, ощутило тряхнув младшего, отпустил его со словами:

— Вернись на место и веди себя прилично!

— Зануда! — буркнул тот, однако на место вернулся под ехидные смешки Дрюни

Великолепного, который стоял прямо позади короля, вытягивая длинную шею, и с любопытством крутил головой, не желая ничего не упустить.

Воздух внутри квадрата, образованного гвардейцами, задрожал, будто в жаркий день, свиваясь в воронку. Бруни разглядела справа, в опасной близости от нее, хрупкую беловолосую фигурку, затянутую в алую кожу брючного костюма. Архимагистр Никорин стояла спокойно, с чуть приподнятыми руками, повернутыми ладонями вверх, будто собиралась не делегацию принимать, а дитя, завернутое в пеленки. Но от одного взгляда на нее становилось зябко и дурно. Человек не должен обладать такой силой — Матушка, как ни далека была от дел волшебных, ощутила это, как ощущают лошади близость воды. Не должен... Но обладал! И это оказывалось по-настоящему страшным. Сейчас Бруни всерьез задумалась над тем, что именно сделала Ники нынче утром с согласием на развод? Физически состарить документ, испачкав его и истерев материал, казалось делом слишком простым. Неужели она перенесла его во времени в тот год, когда война только началась и его величество объявил всеобщую мобилизацию?

Воронка с громким хлопком распалась. Внутри ее границ появился круглый зал. Его освещали многочисленные факелы, горящие бездымным белым пламенем. С той стороны нацелилась на королевский двор острым углом ромба драгобужская делегация, за спинами которой, на возвышении, скромно сияющем чистым золотом, на троне из странных желтоватых бревен сидела недвижно широкая фигура, закутанная в темные одежды. На ее челе горел злым красным глазом камень, вправленный в тройной обод короны. Фигура подняла над головой сжатый кулак. Его величество король Ласурии шагнул вперед и чуть наклонил голову, приветствуя коллегу по трону.

Лязгая подкованными железом ботинками, делегация двинулась в портал. Бруни представила гномов в боевых доспехах и внутренне содрогнулась: кряжистые бородастые мужички в половину человеческого роста, казалось, способны были смести с лица земли дворец со всеми постройками и, не останавливаясь, чтобы отряхнуть штаны от пыли, проследовать дальше.

Самым первым шел гном, рыжий, как пожар, чьи лицо и руки были так густо покрыты веснушками, что казались коричневыми. Его кожаный камзол состоял, казалось, из одних ремней и карманов. Широкий пояс был скреплен пряхой мастера, напоминающей амбарный замок. Из-под насупленных красных бровей гнома сурово смотрели на мир голубые глазки, под взглядом которых пропадало всякое желание дразнить коротышку из-за невысокого даже по гномьим меркам роста или цвета волос.

За ним следовали четверо воинов, судя по всему, профессиональных рубак. У них даже из-за голенищ сапог выглядывали рукоятки топориков для метания. А позади выстроились драгобужские вельможи, одетые в богато украшенные золотым шитьем и мехами кафтаны.

Прибывшие все как один были обуты в тупоносые ботинки на толстой подошве, с той только разницей, что обувь боевых гномов почти полностью закрывалась заходящими друг на друга металлическими щитками. У большинства «делегатов» уши были проколоты в нескольких местах, и массивные серьги не уступали по роскоши серьгам ласурских модниц. А уж какие их украшали самоцветы! Такие и не снились мастеру-распорядителю сокровищницы Ласурингов! Волосы и бороды гномы предпочитали заплетать в затейливые косицы, украшая их серебряными и золотыми бубенцами, так что с каждым новым шагом к лязгу обуви прибавлялся мелодичный звон.

Выдвинувшись из портала, острый ромб оказался в опасной близости от ласурского

короля, однако Редьярд и бровью не повел. Ни один гвардеец не двинулся в шеренге, лишь единым порывом они взметнули обнаженные мечи, отдавая честь прибывшим.

Рыжий «делегат» остановился в метре от короля, окинул его тяжелым взглядом и протянул на заскорузлых ладонях, явно близко знакомых с инструментом, свиток, перевитый золотым шнуром с печатью Крампполтота Первого.

— Именем короля, правителя Подгорного царства и Драгобужского наземья, гномы приветствуют тебя, король Ласурии твое величество Редьярд Третий, и поздравляют с радостными событиями, волею Богов случившимися в твоём доме с твоими кровными сыновьями! Да пребудут границы твоего государства — нерушимыми, стены замка — крепкими, а сокровищница — полной земного огня самоцветов!

Его величество протянул руку, и гном, шагнув вперед, положил свиток в его ладонь и поклонился. Достоинством поклона можно было топить вражеские корабли.

— Назови мне свое имя, уважаемый сын Подгорного царства, чтобы я мог поблагодарить его величество Крампполтота Первого в твоём лице за поздравления!

— Имя мое — Виньогрет, звание — Цеховой старшина, Синих гор мастер! — снова поклонился гном.

Не глядя, протянул ручищу назад. Сопровождающие с поклонами подали ему верительные грамоты, которые он также передал королю, каждый раз кланяясь. На каждый поклон Редьярд отвечал вежливым кивком.

После вскрытия министром Ложвиным Свином верительных грамот и занудного чтения всех титулов и званий должностных лиц в составе делегации, после личного представления королю каждого — каждого! — прибывшего, после краткой, но полной комплиментов ответной речи его величества, после процедуры закрытия портала, за которой Бруни следила с не меньшим интересом, чем за гномами, гостей проводили в отведенные им покои.

— Ты мне нужен! Никуда не уходи! — приказал его величество старшему сыну, убирая с лица любезную улыбку и отирая со лба испарину: — Слава Пресветлой, это наконец закончилось! Ян, больше мы не никого не ждем?

— Делегация из Весеречья прибыла позавчера, — тут же ответил секретарь, — степняки из Дикоземья прислали поздравления с его величеством королем Гаракена, асурх Понтиломус ограничился официальным поздравлением, переданным через его светлость рю Воронна.

— Кто бы сомневался! — хмыкнул шут из-за королевского плеча. — Ведь свадьба сыновей недруга означает скорых внуков и правнуков...

— Какие внуки? Какие правнуки? — возмутился принц Колей. — Молод я еще для такой ответственности! Вон пусть братец Арк с женой стараются за двоих! Да, малышка? — и он недвусмысленно подмигнул Бруни, которая от неожиданности не нашлась, что ответить, зато залилась просто чудовищным румянцем.

— А кстати, — прищурился на сыночка Редьярд, — у тебя есть время до завтрашнего вечера подумать о своем поведении и о продолжении династии! Стража!

Красные мундиры быстро и четко обступили Колея, от которого тут же отшатнулась свита.

— Папаня, может, не надо? — заныл тот. — Я в рот ни капли не возьму до свадьбы, клянусь!

— Сбережем и верх и низ, только, Коленька, женись! — пропел Дрюня, ехидно поблескивая глазами.

Его высочество показал ему недвусмысленный кулак.

— Топай, сыночек, в башню! — ласково кивнул король. — Ян тебе там книги подобрал: по истории страны, с занимательными жизнеописаниями государственных деятелей Ласурии, а также несколько трактатов о смирении и воздержании! Будет чем занять себя до свадьбы!

Принц картинно откинул челку со лба и развел могутные плечи. Уходя под конвоем, запел великолепным густым баритоном:

Я люблю смотреть на облака,
Я люблю с утра смотреть на небо
И мечтаю посетить края,
Где пока еще ни разу не был.
Я люблю смотреть в твои глаза,
В них душа твоя сияет светом,
И словами описать нельзя,
Как же я люблю тебя за это!
Но ведут в тюремный каземат,
В темной мгле останусь, одинокий,
Облака и неба синева
Не достигнут камеры глубокой.
Не увижу дальние края,
За решеткой, за глухим забором,
И тебя, желанная моя,
Я увижу, может быть, не скоро...

— Ну вылитый я в молодости! — проводив его глазами, похвастал его величество. Повернулся к дежурному офицеру: — Глаз не спускать! Перед тем как запрете — обыскать на предмет спиртных напитков!

— Обыскать? — осторожно уточнил тот. Лица королевской крови для простых граждан были неприкосновенны.

— Обыскать, — кивнул король, — я даю тебе такие полномочия... или предложи ему самому отдать занадку, чтобы не позориться перед гвардейцами!

— Слушаюсь! — с облегчением воскликнул офицер и отправился следом за конвоем.

— Арк, — Редьярд повернулся к старшему сыну, — пойдем ко мне, поработаем! Не всем же развлекаться, читая духовную литературу!

Бруни вцепилась в руку Кая. Вряд ли его величество хотел видеть и ее в своем кабинете!

Принц притянул невесту к себе и прошептал:

— Мне кажется, тебе стоит навестить подругу... Если я не ошибаюсь, она давеча всерьез поссорилась с мужем, а это нехорошо!

Матушка посмотрела на возлюбленного с изумлением и благодарностью. Он думал о ее занятиях даже тогда, когда собирался оставаться без нее! Надо же, за чередой всех этих событий она вовсе забыла о Ванильке! То есть о знатной даме Ванилле рю Дюемнон, Старшей Королевской Булочнице. А ведь ссора с Дрюней произошла на ее глазах и, кажется, за последнюю пару дней была не первой! Непременно следовало объясниться с подругой,

сказать, что не держит зла за кражу письма, что простила и ее, и Дрюню, поскольку любит обоих! Была лишь одна проблема...

— Но я тут заблужусь, — Бруни окинула громаду дворца растерянным взглядом и посмотрела на принца, — хотя бы подскажи мне, как пройти на кухню.

— Ваше высочество, вы позволите? — раздался знакомый голос.

Полковник Лихай Торхаш Красное Лихо стоял рядом, как всегда насмешливо поблескивая глазами.

Аркей поцеловал Бруни в губы и отступил. Лихо подал ей руку.

— Пойдем, маленькая хозяйка, я проведу для тебя экскурсию по дворцу, а после провожу на кухню!

— Арк! — позвал король, теряя к ним всякий интерес.

— Страшно? — спросил оборотень, когда они покинули двор.

Бруни подняла на него глаза и почувствовала облегчение — мир вокруг стремительно менялся, а он, Лихай, оставался все тем же типом с тяжелым желчным характером, которого, несмотря на всю неоднозначность поведения, она знала как друга. И потому честно призналась:

— Страшно! Все произошло очень быстро, я до сих пор не могу прийти в себя... Только сердце словно стало целым — и это то, что позволяет мне держаться на плаву!

Полковник смотрел в сторону. На миг дернул щекой, будто хотел что-то сказать... Но сказал, видимо, совсем не то:

— Откуда предпочитаешь начать экскурсию? От главных ворот или от тронного зала?

— От тронного зала! — воскликнула Матушка. — Тронный зал один, а ворот вон сколько много!

Лихай засмеялся.

— На самом деле тронных залов во дворце три: большой, для международных встреч и государственных праздников, средний — для приема просителей в присутственные дни и малый — для внутренних мероприятий или заседаний Большого Королевского совета... Вот с него и начнем!

Они гуляли по замку, никуда не торопясь, около трех часов. Лихай показал ей самые примечательные помещения, например покои королевы Рейвин, портретную галерею Ласурингов, аптекарский садик мэтра Жужина, конюшню. На последней задержались — восхищенную Бруни невозможно было увести от великолепных лошадей: белых, черных, каурых, гнедых. Она кормила их с ладони морковками и репками, раздобытыми у конюхов, и улыбалась такой счастливой улыбкой, что Лихай не мог отвести от нее взгляд, мысленно отмечая, как расцветает в молодой женщине красота любимой и любящей.

Досталось морковки и Петру Снежному. Тот фыркал, толкал Матушку головой под руку, выпрашивая ласку. А сам все косил хитрым глазом на дверной запор.

На выходе из конюшни Лихай попросил спутницу подождать. Скоро вернулся, тщательно скрывая улыбку. Бруни невольно оглянулась и увидела белый хвост, исчезающий в дверях в противоположном конце конюшни. Посмотрела на Торхаша смеющимися глазами. Тот только плечами пожал.

К концу экскурсии она худо-бедно представляла себе внутреннее расположение замка. Полковник привел ее к ступеням, ведущим вниз, в полуподвальную дворцовую кухню, и сказал:

— Мне, к сожалению, пора! В следующий раз проведу тебя по местным дворам и садам!

Матушка не успела сказать «спасибо» — он уже развернулся и шел прочь, прямой и опасный, как лезвие.

Неумело, а оттого неизящно придерживая подол пышного платья и проклиная про себя куртуазные одеяния каждое по отдельности и все вместе взятые, Бруни спустилась в кухню. Здесь царила своя, отличная от других помещений дворца, жизнь. Над котлами вились дымки, из очагов иногда пыхало пламя, подобное Аркаешевым демонам, разозленным добрыми поступками людей. Туда-сюда метались поварята, меряя кухонный зал оглашенными криками. Дюжие подмастерья в белых рубашках, штанах и кожаных фартуках ощипывали, потрошили, разделявали, рубили, шинковали... В дальнем углу Матушка разглядела кресло с мастером Понси Понсилом, главным королевским поваром.

Из «хлебной» части зала потянуло печевом. В желудке у Бруни заурчало — после так и незаконченного завтрака прошло много времени. Она с надеждой посмотрела в ту сторону и разглядела среди булочниц, одетых в голубые платья, белые передники и чепчики, сдобные плечи подруги, чьи рыжие волосы были тщательно убраны под головной убор.

Ванилла священнодействовала. Перед ней на большом деревянном круге лежала опара, только что вываленная из мисы. Старшая Королевская Булочница плавным движением руки посыпала ее мукой из стоящей рядом кадки, прихватывала за края и вдруг принималась давить с обеих сторон точными, выверенными движениями. Затем замирала, осторожно отрывая ладони, задумчиво зачерпывала муки и снова сыпала...

Бруни с радостью поспешила к подруге, стараясь не замечать косых взглядов и не слышать шушуканий за спиной. Еще издали позвала:

— Ванилька!

Та недоуменно повернула голову, развернулась. С мгновение исподлобья разглядывала Матушку и вдруг присела в низком реверансе.

Бруни остановилась, будто налетела на невидимую стену. Видимо, все эмоции: растерянность, разочарование, сердечная боль — отразились в этот момент на ее лице, потому что Ванилла с болезненной гримасой бросилась к ней и, схватив за руки, зашептала горячно:

— Бруни, прости меня, дважды прости! Трижды! Не узнала тебя в этом платье, а потом узнала и растерялась, как, думаю, себя с ней вести, с такой знатной дамой! И еще — я виновата перед тобой, смерть как виновата! Пресвятые тапочки, знала бы, что этот дурак покажет сама знаешь кому письмо от сама знаешь кого, ни за что бы ему не дала!

С сердца Матушки будто свалился огромный камень! Какое ей, Матушке, дело до перешептывающихся поварят, когда близкие люди возвращаются в ее жизнь, словно лезвием топора отсеченную от обычного бытия сегодня утром?

— Есть тут место, где можно выпить? — спросила Бруни, оглядывая зал, в котором все были как на ладони.

— Ваше высочество! — вдруг раздался за спиной дребезжащий голос.

Ванилла испуганно порскнула к рабочему месту. А Бруни обернулась, не веря своим ушам. Позади стоял мастер Понсил. Блеклые глаза худого как щепка повара бежали с интересом и вниманием гостью, посетившую его владения, а затем улыбка осветила его лицо в старческих пятнах.

— Рад видеть вас здесь, ваше высочество! — поклонился повар, опираясь на руку поддерживающего его могутного подмастерья.

— Но я еще не... — виновато улыбнулась Матушка.

— Я пока не ослеп! — вдруг рявкнул мастер, да так, что поддерживающий его вьюнош подскочил. — Вы — нареченная нашего Аркея? А значит — принцесса как она есть!

— Я хочу выпить, — севшим голосом повторила Бурни, сжимая в потных ладонях хрусткие кружева с рукавов платья, — и съесть чего-нибудь на ваше усмотрение, мастер!

— Куда подать кушанья? — бойко поинтересовался подмастерье.

— Неси в покои его высочества Аркея! — так и не дождавшись ответа, проворчал Понсил и повторно поклонился Бруни: — Возвращайтесь туда, ваше высочество! Сейчас вам все принесут!

Матушка развернулась и, позабыв про Ваниллу, пошла прочь будто во сне. Всего два слова — ваше высочество! — огорошили ее, лишив с таким трудом обретенного утром покоя. Но, как мудро сказала Туссиана Сузон, «деваться-то некуда»!

Сама себя не помня, она добралась до башни. Прошла в гостиную и села на диван, где давеча оставила книгу. Та так и лежала, глядя в потолок потертым корешком — народного любимца не печатали в фолиантах с золотым тиснением.

Открылась дверь. В нее проскользнула Ванилла без передника и чепчика, но с огромным подносом. Огляделась, деловито спросила:

— Ну, твое высочество, куда харчи скидывать? Мастер Понсил тебе вино собственноручно выбрал — я такую бутылку один раз в жизни видела, когда герцог Ориш в первый раз приезжал, принцессу ихнюю сватать!

— Какое я тебе высочество? — рассердилась Матушка, вскакивая с дивана. — Ты мне эти штучки дворцовые прекрати!

— Это ты прекрати с судьбой спорить! — невозмутимо отрезала Ванилла и поставила поднос прямо на пол у камина. — Если мастер сказал — принцесса, значит, быть тебе принцессой! Он никогда в людях не ошибается — возраст не тот!

— Ты не смей меня так звать! — повысила голос Бруни и тут же подала назад: — Пожалуйста!

Подруга посмотрела на нее как тогда, на кухне, — исподлобья. И вдруг улыбнулась.

— Наедине не буду, Брунь, Пресвятыми тапочками клянусь! Но на людях припечатаю как положено! Иначе случится конфуз для нас обеих!

Матушка махнула рукой. Что спорить с упрямой девой? Скинув неудобные туфли, прошла на ковер и опустилась рядом с подносом.

Бутылка была предусмотрительно открыта. Над горлышком витал изящный, как бабочка, аромат гаракенского розового вина. Вдохнув его, Бруни даже глаза закрыла от наслаждения. Пить такой напиток казалось кощунственным — им можно было только дышать, наслаждаясь, как воздухом после грозы, полным запахов свежести и зелени.

— Сейчас попробуем! — кровожадно возгласила Старшая Королевская Булочница, тревожа волшебство момента. — А все-таки в подруге-принцессе есть свои преимущества!

Матушка сердито фыркнула.

Ванилла разлила вино по чудным высоким бокалам, сунула ей в руки кусок сыра, похожий на кружево, и, подняв бокал, сказала грубовато:

— Ну... за то, чтобы ты меня, наглую любопытную дуру, простила!

— Я на тебя и не сердилась, — тихо произнесла Бруни, касаясь ее бокала своим, — просто не успела понять, что происходит. Теперь же, наоборот, благодарна тебе от всей души! Только ведь, в связи со всеми этими событиями, появилась у тебя одна проблема, которую с кондачка не решишь...

Ванилла, уже выдувшая вино, побледнела и уронила бокал.

— Его высочество Аркей на меня сердит? Или, того хлеще, его величество?

Матушка покачала головой, лукаво улыбнувшись, и торжественно завершила:

— Платья у тебя нет! И у Перси тоже! А ведь быть вам подругами на моей свадьбе!

— Ох, мешалки-венчики! — захлопала глазами Старшая королевская булочница. — Ох, ты меня убила в самое глубокое место моей души! Свадьба...

— ...завтра! — покивала Бруни, примеряясь не к самому событию, а к тому, что оно вообще возможно.

Ванилла вскочила, едва не наступив в поднос с едой.

— Так надо бежать! К мастеру Артазелю! Авось найдет для меня минутку! И Перси надо сообщить!

— Стой, оглашенная, стой! — тщетно пыталась остановить ее Матушка, но та, размахивая руками, как всполошенная кура крыльями, уже выскочила из покоев принца.

Дверь приоткрыл Лисс Кройсон. Окинул комнату внимательным взглядом, одними глазами улыбнулся Матушке и скрылся. От его безмолвного теплого внимания у нее стало спокойно и тихо на душе. Не беда, что не поговорила с Ваниллой о Дрюне, — еще будет время. Жизнь вернет на свои места все и всех. Она, Брунгильда Рафарин, не останется без близких и друзей!

Закусив хлебом с сыром, нежным куриным рулетом с зеленью, Матушка вновь наполнила бокал и загляделась на играющие в камине языки пламени. Огонь дышал теплом, и его поцелуи невольно напомнили о Кае. О его нежности, уверенности и силе. И о том, что уже сегодня она уснет с ним вместе, крепко обнявшись, на широкой кровати, укрытой простым солдатским одеялом.

Кто-то заскребся в дверь с той стороны, прогоняя мечты. Знатным дамам не полагалось сидеть на полу, без туфелек, рядом с подносом, полным еды, с початой бутылкой вина, однако Матушка махнула на этикет рукой. Она — не знатная дама! Трактирщица — да, знатная!

— Войдите!

Створки распахнулись, впуская... огромного серого пса с оранжевыми глазами. Тот постоял на пороге, жадно нюхая воздух, затем прошел в комнату, аккуратно переставляя длинные лапы, и сел напротив опешившей Бруни, выразительно поглядывая то на нее, то на рулет.

— Ты кто? — с опаской поинтересовалась она, однако рулет нарезала, выложила на чистую тарелку и поставила перед гостем.

— Госпожа позволит пояснить? — раздался звонкий голос.

Лисс Кройсон стоял на пороге навтыжку.

Бруни кивнула.

— Это любимый пес его величества — Стремительный, или Стрёма. Кобель восьми лет от роду породы весеречских волкодавов. Имеет на счету около пятидесяти матерых волков и волчиц и мелкой живности без счета. Однако ж в общении смирен и деликатен. Гуляет по дворцу, где пожелает, когда его величество не на охоте.

— Стрёма, — пробормотала Бруни, протягивая псу открытую ладонь, — ты позволишь тебя погладить?

Волкодав, облизывающий уже пустую тарелку, посмотрел на нее с интересом, но голову согласно наклонил, разрешая потрогать себя между ушами.

— Вот и подружились! — улыбаясь, заметил Лисс.

— Немаловажную роль в этом сыграл рулет! — засмеялась Матушка, почесывая пса за острым ухом.

Тот блаженно вздохнул и вдруг повалился на пол, уронив большую голову ей на колени.

— И что мне с тобой делать? — изумилась Бруни.

— Брюхо чесать! — пояснил адъютант его высочества. — Но, если желаете, я его выведу...

Стрёма укоризненно посмотрел на него.

— Пусть лежит, — махнула рукой Матушка, — мне все равно делать нечего — займусь почесыванием собачьего пуза!

Кройсон непротокольно прыснул, отдал честь, пытаясь сохранить серьезное выражение лица, и скрылся за порогом.

Поглаживая пса, Бруни снова засмотрелась в огонь, размышляя уже не о Кае, не о свадьбе с ним, а... о строящемся трактире! В ее новой жизни все было неопределенно, однако дело требовало времени и внимания. Положим, мастер Пелеван присмотрит за стройкой и отделочными работами, Пиппо — за закупкой оборудования, продуктов и наймом персонала... Но что дальше? Любому заведению нужна крепкая хозяйская рука! Из Пипа Селескина получился прекрасный шеф-повар, но хозяйкой-то всегда была она, Бруни! Да и о старом трактире не стоит забывать!

В дверь деликатно постучали.

— Войдите! — крикнула Матушка. Похоже, принцам и принцессам спокойная жизнь во дворце не светила!

На пороге показался невысокий, изящного телосложения черноволосый мужчина, оглядевший Бруни большими голубыми глазами. Она видела его недавно, во время встречи делегации из Драгобужья. Профессиональная память тут же подсказала имя, которым вошедшего называл король: Ян.

Склонившись в поклоне, посетитель шагнул через порог и выпрямился, приятно улыбнувшись:

— Позвольте мне полностью представиться, моя госпожа? Я — Грошек Ян, личный секретарь его величества Редьярда Третьего! Если вы свободны, я осмелился бы — не по собственному разумению, естественно, но по личному указанию его величества — ознакомить вас с некоторыми документами, кои будут иметь к вашему будущему положению непосредственное отношение, и выслушать ваши пожелания и замечания!

Матушка аккуратно переложила на пол тяжелую голову недовольно заворчавшего Стрёмы и поднялась. Неужели ей предстоит погрязнуть в бумажной рутине, как и Каю?

— Вот здесь будет удобно? — поинтересовался Ян, останавливаясь около дивана. В руках у него была красная бархатная папка, из которой выглядывал уголок какого-то документа.

В голове у Бруни мелькнула мысль, что не стоит подписывать бумаги, в которых она ничего не смыслит. По крайней мере, не посоветовавшись предварительно с Каем. Однако прежде чем сделать яичницу, следует разбить яйца! И потому она быстро прошла к дивану, села и протянула руку:

— Давайте ваш документ, Ян, и садитесь рядом!

— Но... — растерялся тот.

— Садитесь! — коротко взглянув на него, повторила Матушка. — Мне неудобно читать,

когда кто-то нависает надо мной гроздью винограда!

Секретарь осторожно присел на краешек дивана и подал ей папку, умудрившись поклониться сидя. Взгляд у него был ошарашенным.

В папке оказался сложенный в несколько раз длиннющий список, в котором перечислялись через запятую титулы и наименования. В последних можно было навсегда запутаться языком.

— Поясните, что это? — спросила Бруни, не дочитав список и до середины.

— Это ваши титулы, госпожа, после завтрашнего бракосочетания с его высочеством принцем Аркеем. Во второй части документа поименованы земли и объекты движимого и недвижимого имущества, которые перейдут в вашу собственность.

Пресвятые тапочки! Матушка дрожащими руками перебрала пергамент, добравшись до указанного перечня. Эти буковки она читала гораздо внимательнее, чем первые. Ей передавались в полное владение с правом передачи по наследству лены в различных частях страны, несколько торговых кораблей, здания в столице и приморских городах. В одночасье дочь корабельного кока и потомственной трактирщицы становилась богатейшей женщиной страны!

Наименования завертелись перед глазами Бруни всполошенным хороводом. В таком состоянии изучать список не стоило. Она на мгновение прикрыла веки, тряхнула головой, чтобы изгнать из сознания мечущиеся названия географических объектов, отложила папку и поинтересовалась:

— Вы позволите мне оставить список у себя? Мне хотелось бы изучить его более детально!

Грошек тут же вскочил.

— Конечно, госпожа! А теперь разрешите вас оставить?

— Разрешаю... — задумчиво сказала она.

Вернулась к камину, села рядом с волкодавом, плеснула вина в бокал. Гаракенское розовое оказалось коварным напитком: пилось легко, да с панталыку сбивало быстро. Усталость вдруг стала невыносимой, потянула к собачьему теплу, как к подушке.

— Ты не будешь возражать, если я немного посплю? — пробормотала Бруни, укладываясь головой на песий бок. Глаза у нее совсем закрывались. — С самого рассвета на ногах...

Заглянувший в библиотеку спустя некоторое время адъютант Кройсон увидел, как спит на полу, обнимая серого зверя будто мягкую игрушку, будущая супруга наследного принца. Увидел и, аккуратно прикрыв дверь, подпер ее спиной, собираясь «не пущать» в покои никого, кроме его высочества Аркея. На губах парнишки играла мечтательная улыбка. Он думал о том, как повезло командиру с невестой, и о том, что когда-нибудь и он, Лисс Кройсон, встретит девчонку, которая в любой ситуации будет оставаться самой собой.

* * *

— Мои поздравления, долгие лета и все такое, — прозвучал ворчливый стариковский голос.

Сидевшая за своим столом в Золотой башне Ники поморщилась и развернула волшебное зеркало амальгамой к себе. С той стороны на нее смотрел древний старик с особо

выдающимся носом и пронзительным взглядом. Впрочем, его носом тоже можно было бы пронзить кого-нибудь, не будь он таким крючковатым!

— Привет-привет твоей несравненной мудрости, Сатанис Крейский! — кивнула она. В голосе не было насмешки, лишь уважение равного к равному. — Чему или кому обязана видеть тебя в такой полный хлопот день, как сегодня?

— Мне стоит спросить об этом у тебя, Никорин, — проскрипел старик, устало потирая тонкими пальцами коричневые припухшие веки. — Ничего не желаешь мне сказать?

Ники удивленно приподняла брови:

— А должна?

— Думаю, да! — кивнул архимагистр Крей-Лималля. — Ну, если ты такая недогадливая, я подскажу. Лишь одно слово: Версей.

— У меня там свидание? — живо заинтересовалась архимагистр Ласурии. — И кого из тридцати сыновей или пятидесяти внуков ты пришлешь для встречи со мной?

— Пятидесяти трех, — ворчливо уточнил Сатанис. — За то время, что мы не общались, появились еще два мальчика и девочка.

— Мои поздравления! — искренне рассмеялась Ники. — Обожаю жизнь во всех ее проявлениях!

— И потому развеяла в прах кусок моей родной земли? — вкрадчиво поинтересовался старик, блестя черными глазами из-под белоснежных бровей.

— О чем ты? — перестав смеяться, посерьезнела она. — Что ты такое говоришь, Сатанис? Неужели до тебя не дошли слухи о моей тяжелой болезни?

— Так ли та была тяжела?

— Не передать словами, как я мучилась! Лежала пластом, ничего не ела...

— Ты действительно похудела, Ники! Женщине твоего возраста следует тщательнее следить за своим здоровьем!

— Пресвятые тапочки, как я рада, Сатанис, что, несмотря на почтенные годы, ты сохранил ясность ума и точность формулировок!

Оба замолчали, разглядывая друг друга с выражением глаз пауков, посаженных в одну банку.

— Ну хорошо, — вздохнул Крейский архимагистр, — начнем еще раз! На Версейском плато, неподалеку от границы с Ласурией, давеча случился катаклизм — обрушение одной из гор в пустоты недр...

Он замолчал и выжидающе посмотрел на Ники.

— Ох уж эти подземные источники! — подала та реплику. — Размывают, понимаешь, карстовые породы, образуют каверны! Опасное дело, Твоя Мудрость, оказаться рядом с таким местом!

— Вот и я размышляю на досуге, какие силы могли сотворить подобное, кроме сил природы? — криво усмехнулся Сатанис.

— Никакие! — твердо ответила Ники. — Природа всегда разрушает то, что представляет для нее опасность! По всей видимости, то место стало слишком опасным... для всех!

Архимагистр подался вперед, разглядывая собеседницу. Казалось, еще немного — и он проткнет зеркало носом и вывалится прямо в Золотую башню.

— Ты в этом уверена, Никорин? — наконец спросил он. — Дурные места лучше не тревожить!

— Если дурные места не тревожат людей! — отрезала Ники. — Нам всем стоит

беспокоиться, Сатанис... Нам всем!

Старик откинулся на спинку кресла. Темные пальцы тревожили почерневший от времени медальон в виде головы крейской кобры с раздутым капюшоном. Ники знала, что эта покрытая патиной «безделушка» с давно потускневшими зелеными глазами-камнями являлась одним из мощнейших артефактов Вечной ночи, которые даровали владельцу невиданную силу и нескончаемые годы. Для человека трехсотлетний старец прожил слишком долго... Для Сообщающегося Сосуда, каким была сама Ники, слишком мало!

— Ты в этом уверена? — повторил Сатанис. Смуглая до черноты кожа, темные пальцы, глаза цвета полуночи... Не человек — сумрак!

Ники кивнула, не отводя взгляда. Каждый из них перегрыз бы другому глотку и вырвал сердце за свою родину, но существовала опасность, перед которой меркла вражда двух государств. И Крейский архимагистр об этом знал.

— Не думай, что я чувствую благодарность к тебе, Никорин! — поморщился Сатанис.

— Никогда, — покачала головой та и потянулась, позволяя алой коже брючного костюма соблазнительно очертить фигуру. — Но я тешу себя надеждой, что смотреть на меня для тебя — удовольствие!

— Такую, как ты, усмирить — честь для любого мужчины, — усмехнулся собеседник, на мгновение становясь моложе и привлекательнее. — Твое счастье, Ники, что мне это уже не нужно!

— Это — твоё счастье! — лукаво улыбнулась та. — До новых встреч, Сатанис! Добрых улыбок и теплых объятий Твоей Мудрости!

Архимагистр Крея молча прижал ладонь к сердцу в знак почтения.

Зеркало померкло.

— Умный ублюдок! — пробормотала Ники, прищурившись.

За много дней пути от нее Сатанис Крейский с раздражением спрятал ладони в рукава свободного одеяния и прошипел:

— Красивая сука!

* * *

Дрюня торжественно водрузил на стол в королевской гостиной пузатую бутылку.

— Достал, братец! Ароматная, десять лет выдержки!

— Не может быть! — король, чинно сидевший на диване с книгой в руках, рывком поднял тяжелое тулово. — Ласуровка? Настоящая?

— Самая настоящая!

— Где раздобыл? Я же запретил ее гнать аккуратно во время войны!

— Так я тебе и скажу, — надулся шут. — С тебя станется и ту лавочку прикрыть! И вообще, ты мне должен золотой!

— За что? — изумился Редьярд, хлопая по карманам. Не найдя монеты, рванул золотую пуговицу с обшлага камзола, кинул Дрюне.

Тот ловко поймал, кивнув на бутылку.

— За нее, родимую! Давай-ка я смотаюсь на кухню, наберу подносик еды, и мы с тобой посидим, как в старые добрые времена... Кроме того, ты мне обещал рассказать кое-что!

— Помню, — помрачнел король. — Изюму возьми. Страсть как хочется пожевать, а до

ужина еще далеко!

— Бегу, — улыбнулся Дрюня.

Но вернулся шут без улыбки, хотя и с подносом. Глядя в его расстроенное лицо, Редьярд сочувственно поинтересовался:

— Ярится твоя-то?

— Ярится, — вздохнул шут, накрывая на стол. — Расфырчалась, как Аркаешева кошка! Вещи свои из наших покоев забрала... Видать, к отцу вернуться намеревается.

— Кольцо не сняла? — уточнил король.

— Не сняла.

— Тогда не переживай. Ну хочешь, я с ней поговорю?

— Ты что? — побледнел Дрюня. — Даже не думай! Перепугаешь ее до смерти, дуру мою любимую!

Редьярд хмыкнул и сел за стол.

— Разливай, братец шут.

— Рассказывай, братец король, — в том же тоне отвечал тот, берясь за бутылку. — Договор дороже денег!

— С чего бы начать... Да хоть с дня, когда мы встретились с тобой в том трактире... Который «Какие-то кости»!

Дрюня кивнул, показывая, что слушает. Откупорил бутыл, ноздрей втянул кисловатый аромат, покинувший горлышко. Дал вдохнуть его величеству.

— Пресвятые тапочки! — закатил глаза тот. — Словно в прошлое вернулся!

— Я жду! — напомнил шут, наполняя стопки из драгобужского хрусталя и подавая собутыльнику огромный бутерброд, сооруженный из двух кусков серого хлеба, зелени, мощных ломтей ветчины и вареного мяса.

— Отец тогда лежал при смерти. Однако и в этом нашел выгоду старый хрыч, поскольку отказать умирающему родителю в просьбе жениться я никак не мог...

— За короля! — перебил его Дрюня, поднимая стопку.

— За короля! — согласился Редьярд.

За отца нынешнего венценосца выпили, не чокаясь.

— Я лишь ЕЕ видел рядом... ОНА заставила меня забыть обо всем, будто и не случилось в моей жизни никаких других баб! Но когда я предложил ЕЙ стать королевой, она отказалась...

— А как ее звали-то? — поинтересовался шут. — А то все ОНА да ОНА!

* * *

Ранней осенью над Узамором стоял туман, легкий, как одеяние призрака. Таким же туманом в необжитых пока покоях королевы повисла пауза. Легкая, ни к чему не обязывающая, но такая многозначительная!

— Винни, я умоляю тебя, — не выдержав молчания, заговорил высокий черноволосый мужчина, одетый в простой черный камзол с заткнутым за пояс охотничьим хлыстом. — Умоляю! Давай сбежим? Я найму пиратский корабль, в конце концов! Они ходят запретными течениями, королевский флот не сможет нас догнать! Мы покинем Тикрей ради того, чтобы быть вместе.

Ее величество вскинула руки в безмолвном жесте отчаяния. Кружева на обшлагах платья отогнулись, обнажая белые запястья королевы. Совершенные. Прекрасные.

— Где ты был раньше, Ронни? — она резко отвернулась от окна, куда глядела с тоской и... смирением. — Я так ждала твоего прихода к отцу! Ждала, что ты попросишь моей руки!

— Я был глуп... И слеп... И труслив... — названный шагнул к ней, прижав руки к груди. — Оттого умоляю теперь... Мне не страшно пойти на плаху ради тебя, Винни, я не боюсь насмешек этих тупых южан и гнева самого тупого южанина из них — твоего мужа!

— Атрон! — в лице королевы боролись сдержанный, но страстный темперамент клана Морингов, Северных князей Узамора, и долг, навсегда лишивший ее крыльев свободы. — Редьярд — мой муж. Изволь говорить о нем с почтением!

— С почтением?! — рыкнул тот. Быстро подойдя к королеве, притянул ее к себе, принимаясь целовать. Задыхаясь, заговорил: — К демонам почтение! Я знаю, ты любишь меня, а не его! Мы знакомы с детства, Винни, и лишь мое уважение к тебе не позволило мне сделать тебя своей по-настоящему!

Рейвин отпрянула, словно ее окатило холодной водой. Закрыла глаза, вытянулась струной, не отвечая на поцелуи. Только Духи Ветров и Пресветлая знали, чего ей это стоило.

— Ты прав, — очень тихо сказала она. — Я люблю тебя, но, поклявшись в верности у алтаря Индари, намерена сдержать клятву.

Просить Атрона отпустить ее не потребовалось. Он отошел сам, тяжело дыша, сжимая кулаки, будто собирался драться. Остановился на положенном этикетом расстоянии, насмешливо поклонился.

— Какие еще будут приказания, ваше величество?

Рейвин жадно смотрела ему в лицо. Рю Воронн был красив и знал это, но не использовал свое обаяние, предпочитая быть мрачным и замкнутым. Своеобразная защитная реакция, призванная оттолкнуть от него тех лиц женского пола, которые воцелели его, однако самому Атрону были неинтересны. Интересна ему всегда была лишь она, Рейвин, младшая дочь Узаморского князя. Королева помнила возлюбленного мальчишкой, помнила безусым юнцом, юношей, молодым мужчиной. Он всегда был рядом, и в самых горячих мечтах она видела себя его женой, в болезни и старости и пока смерть не разлучит их. Однако мелкий лен и небольшой титул сдерживали юного рю Воронна от скоропалительных шагов. «Мне нужно стать для твоего отца незаменимым, важным... Только тогда у меня есть шанс получить ответ „Да“ на свой вопрос!» Известие о браке с наследным принцем прозвучало для влюбленных как гром среди ясного неба. Согласия дочери отец не спрашивал — поставил перед фактом, даже не усомнившись в том, что она разделит его гордость и радость. «Северянки из-за любви не плачут!» — говорила народная молва, и Рейвин не плакала, когда отец объявлял Атрона главой свадебного кортежа, направляющегося в Вишенрог. Она знала каждую морщинку на его обветренном лице, каждую гримасу узких губ, каждую нотку властного голоса. Ей были известны его сны и предпочтения в лошадях и охоте. Она знала про Ронни все, надеясь, что когда-нибудь это станет достоянием ее семьи. А оно на глазах становилось достоянием прошлого!

В лице Атрона что-то дрогнуло, взгляд прошило болью. Он медленно опустился на колени.

— Ты останешься верен мне? — не глядя на него, спросила она. Тонкие пальцы, сжатые в кулак, побелели.

— Всегда, Винни, — тихо ответил рю Воронн. — Я останусь рядом, и пусть видеть тебя

ежедневно станет для меня наказанием! Больше я не заговорю о нас, не попрошу...

Когда она шагнула к нему, она больше не была Винни — хрупкой большеглазой девушкой, похожей на молодую олениху. Она была королевой.

— Встань, прошу тебя! — Узкая ладонь легла на его склоненную голову. — Я принимаю твою клятву и твою службу, Атрон рю Воронн. И... благодарна тебе за все!

Когда он поднялся, их лица оказались в опасной близости друг от друга, их сердца — на расстоянии Тикрейского пролива.

Не сказав более ни слова, Атрон вышел. Королева стояла, будто пригвожденная. Словно любой, даже самый мелкий шаг должен был распластать ее по полу умирающей птицей.

В приоткрывшуюся дверь скользнула невысокая фигурка. Женщина была молода, но некрасива. Известную всей Ласурии белизну кожи дочерей Севера портили мелкие веснушки, щедро рассыпанные по лицу и шее, ореховые глаза казались блеклыми. Вошедшая посмотрела на Рейвин и вдруг бросилась поддержать ее.

— Сейчас, ваше величество, сейчас!..

Доведя королеву до скамьи под окном, женщина поспешила в угол комнаты, где стоял на столе графин с водой. Намочила собственный платок, вернулась, чтобы промокнуть нежное лицо в испарине. Рейвин слабо шевельнулась, вскинулась, пытаясь сесть прямо. С благодарностью посмотрела на помощницу.

— Я рядом, моя госпожа, — сказала та дрогнувшим голосом. — Я рядом...

— Фирона... — тихо произнесла ее величество, — Фирона, дорогая, ты знаешь, что выбор приносит боль, но вдвойне больнее, когда выбора тебя лишают?

Та отвела глаза, поскольку знала не понаслышке.

Королева внимательно посмотрела на нее. У компаньонки княжеской дочери не было ни приданого, ни красоты, ни острого ума. Умение беззаветно любить нынче ничего не значило. Для всех, кроме Рейвин Моринг.

* * *

Его величество поперхнулся. Прокашлялся.

— Не важно, как ЕЕ звали, братец!

— Не важно? — осмелился не поверить шут.

— Не могу произносить это имя, — покаялся король, — пусть пребывает в покое, будто ОНА уже умерла!

— Пусть... — покладисто согласился Дрюня и подлил в его стопку ароматной ласуровки.

— После того разговора с отцом мы с НЕЙ стали встречаться реже, хотя стремились друг к другу по-прежнему. Но у меня совершенно не было времени из-за приготовлений к свадьбе, смерти отца и коронации. Вскоре и ОНА стала избегать меня. Когда я приезжал к бабушке в лесу, не находил ЕЕ там. ОНА изменяла облик, ускользала, как тень... Уже потом я сообразил, что к чему: ОНА скрывала от меня, что брюхата. О ребенке я узнал лишь спустя год после его рождения. К тому времени Аркей уже носил на себе ЕЕ проклятие, как Аркашев медальон! Узнав о нем, я послал к НЕЙ наемного убийцу...

Редьярд замолчал и вылил в себя ласуровку. Дрюня видел, каких трудов стоит его величеству удержать собственные руки от дрожи. В его сердце боролись жалость к другу,

интерес к истории и желание напиться так, чтобы перестать вовсе воспринимать подобные откровения. Впрочем, он, Дрюня, напросился сам!

— ОНА давно покинула тот лес, пыталась скрыться за границей, — помолчав, продолжил король. — Однако деньги и связи делают все. Убийца, вышедший на ЕЕ след, оказался с мозгами и, прежде чем выполнить заказ, сообщил мне о ребенке.

— Он убил ЕЕ? — с ужасом спросил шут. Схватив бутылку, отхлебнул прямо из горлышка.

Редьярд встал, подошел к камину. Протянул руки к огню — то ли согреть пытался, то ли спалить.

— Он передал ЕЙ мои слова: или она добровольно отдает сына и остается в живых, или умирает, но я все равно забираю сына. Яго она отдала. С запиской...

Его величество замолчал.

— Ну?... — с мукой в голосе потребовал Дрюня.

— «Ты лишаешь ребенка матери, а я в день твоей свадьбы лишила тебя внуков, — медленно, по памяти процитировал Редьярд, — даже подлость мы делим пополам... Рэд!»

Шут потянулся было к бутылке, но передумал. Ему отчаянно хотелось плакать. В комнате повисла тишина, липкая, белая, как паутина. Даже огонь в камине не трещал, съезжился, отпрянув от королевских ладоней.

— Подожди, — словно выплывая из тугого кошмара, встрепнулся шут, — так Яго — твой старший сын? Но это означает...

Король обернулся. Его лицо было бесстрастно — искусная маска умелого политика, и только.

— Это ничего не означает, шут! Яго — мой второй сын, старший — Арк.

— Да как же это может быть? — Дрюня все-таки схватился за бутылку и глотнул для храбрости. — Ведь ОНА прокляла Арка, когда Яго уже был год!

— Нет, — покачал головой Редьярд, — это произошло гораздо раньше, как ОНА и писала, — в день моей свадьбы... Рейвин понесла от меня в ту же ночь.

— Но как? КАК? — пораженно прошептал собеседник.

Его величество тяжело вздохнул. Подойдя к столу, отобрал у Дрюни сосуд, разлил ласуровку по стопкам. Выпил, не чокаясь. Сел.

— Я могу только догадываться, брат... О том, что я заберу Ягорая, она знала загодя. Не спрашивай — как? Ведьма она, в конце концов, или нет? Яго должен был родиться раньше Арка, но первая беременность у Рейвин проходила очень тяжело. Мы даже думали, она ее не переживет! Аркей появился на свет на два месяца раньше положенного срока. Выкрутасы судьбы, братец... Я мог бы пристроить Ягорая в любую семью, выделить содержание с тем, чтобы он рос без забот и не прыгал выше собственной головы. Но я мечтал когда-нибудь увидеть его рядом с собой, здесь, во дворце. Ведь он — носитель крови Ласурингов!

Дрюня знал короля как облупленного. Король врал. Врал нагло и беззастенчиво.

— Братец, — осторожно сказал шут, — из носителей твоей крови, полагаю, можно собрать целую дивизию. Неужели ты всех их пристроил, как пристроил Яго?

Редьярд посмотрел на него абсолютно трезвым взглядом и поинтересовался:

— Ты совсем дурак? Я о большинстве своих потомков даже не предполагаю... Думаешь, Колька в его нежном возрасте записывает координаты каждой норки, в которую запускает своего терьера?

— Эх ты его припечатал! — не удержавшись, хихикнул Дрюня. — Там не терьер, там

цельный Стрёма... вроде бы!

— Не позорь псину! — пригрозил король. Щелчком пульнул свою стопку в стену. Стекло разбилось с жалобным звоном. Его величество посмотрел на осколки и тихо сказал: — Яго — сын женщины, которую я любил больше прочих, брат! Вот и весь ответ!

Внимательно взглянув на Редьярда, Дрюня вдруг заметил засеребрившиеся в его бороде седые волосы.

Для слова «люблю» не существовало прошедшего времени.

* * *

Бесконечные, темные, проклятые коридоры Вишенрогского замка... Они казались Рейвин кишками гигантского кракена, поглотившего ее. Она металась в них, ежеминутно теряя ориентиры, впивалась ногтями в собственное горло, чтобы не завывать полярной волчицей, потерявшей стаю. Отец, за что вы так наказали меня? Отчего даровали жизнь с нелюбимым, почитая ее за счастье? Отец!..

Безмолвного крика никто не слышал. Северянки не плакали не только из-за любви — из-за предательства тоже!

Дверь в кабинет Редьярда была приоткрыта. Рейвин заглянула внутрь, не обращая внимания на гвардейцев, взявших на караул. У потушенного камина замер некто, чье лицо скрывал капюшон. Рядом стоял ее муж, держа на руках... дитя. Голенького, смуглого, сладко спящего мальчишку.

— Надо же, — пробормотал его величество, повернув младенца и разглядывая его затылок, — у него здесь родимое пятно, как у меня и у Арка! Как он перенес дорогу, Грой?

— Сладко спал, просыпался лишь, чтобы поесть — вырастет настоящим воином, ваше величество, — голос из-под капюшона звучал глуховато. — Я поил его козьим молоком...

Говоривший резко повернул голову в сторону двери. Рейвин разглядела светящиеся в полумраке кабинета желтые глаза и рванула створку на себя — что толку таиться от оборотня? Шагнула в кабинет... Если бы взор мог говорить, он бы обрушил на разгульного короля всю тяжесть отчаяния и стыда целомудренной королевы, у алтаря Пресветлой поклявшейся ему в верности.

Впрочем, он ведь тоже клялся!

Его величество сунул младенца собеседнику, словно куклу. Тот захныкал во сне, задергал ручками и ножками. Оборотень укутал его в полу собственного плаща, вопросительно взглянул на короля.

— Отвези его моей няньке, Грой. Пусть покамест побудет у нее.

Названный вежливо склонил голову и быстро вышел. На Рейвин пахло ароматом сильного мужского тела, разгоряченного долгой дорогой.

— Ну что же ты, жена, застыла изваянием отчаяния? — насмешливо спросил Редьярд. — Почему не обвиняешь меня в очередной измене, не морозишь презрением? Последнее, между прочим, тебе удастся лучше всего!

Несмотря на ощущение, что пол уходит из-под ног, королева подошла к нему, держа спину прямо, как учил отец. В душе стало пусто и темно — на пороге кабинета в одно мгновение выгорело все: надежда когда-нибудь полюбить нареченного, уважение к мужу и боль от его многочисленных измен, отчаяние и страх северянки, оказавшейся среди южан

как в плену.

— Этот ребенок первый, кого ты притащил во дворец, — тихо сказала она, — не считая тех, кто появился в его стенах от твоих связей с фрейлинами и горничными. Что с ним не так?

— Ну, хоть в уме тебе не откажешь, — пробормотал король. Он был совершенно трезв, что с момента свадьбы с ним случалось чрезвычайно редко, однако выглядел как после тяжелой попойки: ввалившиеся красные глаза, заросшее одутловатое лицо. — Рейвин, я очень хочу выпить, но ты ведь не поддержишь меня в этом благословенном начинании?

Королева молча покачала головой. Было время страха, когда она боялась мужа, в подпитии творившего Аркаеш знает что. Было другое время — надежды, когда она пыталась стать ему настоящей женой и просто закрывала на все глаза. Нынче наступило время веры в себя. Чем бы ни закончился сегодняшний разговор — примирением или заточением в монастырь, она, Рейвин, останется самой собой и заставит мужа принимать ее такой, как есть!

Король разглядывал супругу с непонятным выражением лица — то ли ударит, то ли завалит на стол и задерет юбку. Но ему удалось удивить ее. Широко шагая, он прошел к столу, выставил два стакана и налил в них... воды из графина. Сделал приглашающий жест.

— Присаживайся. Хоть воды со мной выпьешь?

Она села, обхватила холодное стекло не менее холодными пальцами, казавшимися полупрозрачными. Редьярд с ненавистью следил за ней. Такая северная, такая изящная ледяная статуэтка, с которой он вынужден делить постель и жизнь, хотя сердце, да и не только оно, рвется совсем в другие объятия. Женщины! Да будь они все прокляты!

Первый глоток воды скрутил в желудке скользкий тяж. Редьярд плохо помнил последние месяцы: запой, в который он ушел после смерти отца и последующей коронации, слишком затянулся!

— Сколько мы уже женаты? — поинтересовался он, залпом опустошая стакан и наливая еще.

Королева аккуратно отпила несколько глотков:

— Год минул, Рэд...

— Я плохо его помню!

От горькой усмешки в углах ее рта появились морщины, делавшие лицо значительно старше.

— Зато я — слишком хорошо!

— Что, было всякое?

— Было...

Король встал, прошелся по комнате. Рейвин впервые видела его таким... никаким. Даже в пьяном угаре, в хлеву со свиньями, в объятиях простой прачки он оставался великолепным, шикарным, мощным самцом, не зная характера которого можно было бы самой себе позавидовать и поздравить с таким мужем. А сейчас он казался растерянным, если не сказать — раздавленным.

— Мы с тобой не с того начали, Рейв, — хрипло сказал король, останавливаясь за спиной жены. Спиной, натянутой как струна, готовая вот-вот лопнуть. — Мы обманывались друг в друге — ты желала видеть во мне любящего мужа, я в тебе — покорную жену. Ни я, ни ты таковыми не были и не будем!

— Не будем... — эхом повторила королева и согласно склонила голову.

Тонкая шея, маленькая голова, увенчанная копной великолепных темно-каштановых волос. Его первенец, Аркей, унаследовал этот цвет — головенка сморщенного орущего человечка уже при рождении была покрыта густыми темными волосенками, вызвавшими у Редьярда целый шквал противоположных чувств — от умиления до брезгливости.

— Давай начнем заново? — он положил руку ей на плечо, и она вздрогнула — то ли от страха, то ли от отвращения. Что же он делал с ней все это время, раз она не выносит его прикосновений?

— Я тебя не трогаю! — Редьярд убрал ладонь. — И больше не трону, ежели на то не будет твоего желания, обещаю!

Она обернулась так резко, что у него потемнело в глазах. Мгновение в выражении ее лица надежда боролась с рассудком. И рассудок победил.

— Сейчас ты сядешь рядом со мной, Рэд, как то подобает доброму супругу, — негромко и абсолютно спокойно сказала она, — и расскажешь мне все об этом ребенке... И тогда мы вместе решим, что с ним делать!

Король смотрел на эту хрупкую женщину сверху вниз и впервые со дня смерти отца не ощущал себя одиноким.

* * *

Матушку разбудили теплые губы любимого. Она ответила на поцелуй, улыбаясь и не открывая глаза. Опустившийся рядом с ней на пол Кай потрепал преданно изображавшего подушку волкодава по загривку и поинтересовался у обоих:

— Без меня разгульничаете?

— Ой! — окончательно проснулась Бруни. — Я уснула? Ну надо же! А сколько времени?

— Время ужинать, родная! Тебя ждут Туссиана и еще несколько горничных. Они помогут переодеться.

— Но зачем?... — начала было Матушка. И замолчала.

Привычка придворных переодеваться после каждого чиха не раз высмеивалась уличными труверами.

Принц помог ей подняться, засмеялся, когда она пошатнулась — голова закружилась от выпитого. Воистину, гаракенское оказалось коварным вином!

— У меня есть пьяная женщина! — прошептал он на ухо невесте, разворачивая и прижимая ее к себе. — И это так здорово!

Не отвечая, Бруни потянулась к его губам. Пресветлая, как, оказывается, она соскучилась по нему за долгие зимние дни и ночи! Жадно целуя, Кай подхватил ее на руки и отнес на диван.

— А как же горничные? — так же жадно отвечая, поинтересовалась Матушка.

— Мы быстро! — по-мальчишески улыбнулся принц.

Они действительно управились быстро. Лишь позволили себе полежать немного после, молча и счастливо улыбаясь, прижавшись друг к другу на тесном для двоих диване.

Затем Аркей поднялся, чтобы переодеться — слуги для этого ему не требовались, что Матушку несказанно порадовало. Она впервые посмотрела на его сильное тело взглядом собственницы и не собиралась позволять подобное еще кому-то. Потому свежую рубашку подавала ему сама и пуговицы на камзоле — ужин ожидался приватным, и принц не надел

мундир — застегивала тоже сама. Кай не мешал ей, кажется, наслаждаясь процессом.

— Тебе нужна гардеробная, — констатировал он наконец, когда она, вытащив рукава его белоснежной рубашки из-под обшлагов камзола, расправила на них кружева.

— Мне не нужно ни единого помещения вне этой башни! — взглянув на него потемневшими глазами, промолвила Матушка.

Аркей улыбнулся и зычно крикнул в сторону двери:

— Войдите!

Спустя пару минут створку открыл Кройсон, впустил первую горничную Сузон и шестерых девушек, несущих упакованное в чехол платье. Все семеро дружно, будто на показательных выступлениях, сделали книксен. Глазенки младших служанок от любопытства блестели, как у мышат, учуявших сыр. Бруни чуть не рассмеялась, так они были похожи на них! Заметив одобрение в глазах Туссианы, она и вовсе воспряла духом.

Сузон аккуратно поставила рядом с ней малиновые туфельки с золотыми пряжками, а девушки принялись распаковывать платье.

— Я подожду тебя в кабинете, — сказал принц и вышел.

— Что пили, моя госпожа? — помогая Бруни раздеться, шепотом поинтересовалась Туссиана.

— Так заметно? — расстроилась та.

— Красивый румянец, — деликатно усмехнулась горничная. — Так что это было?

— Гаракенское розовое.

— Поднимите руки... Вот так... Оно, к счастью, легко выветривается! Катарина!

Темноволосая девушка тут же отозвалась:

— Да, госпожа Туссиана?

— Сбегай к мэтру Жужину за букетиком разумицы. Такие мелкие цветочки, — она повернулась к Бруни, — нежно-розового цвета. Они подойдут к новому платью, а их аромат приведет вас в чувство.

— Туссиана, что бы я без вас делала! — пробормотала Бруни.

Горничная иронично блеснула глазами, однако ничего не ответила.

Новое платье оказалось темно-малиновым, вышитым редкими золотыми звездами. Бруни в жизни не видела подобной роскоши!

— После ужина вас будет ожидать мастер Артазель, — пояснила Сузон, зашнуровывая обновку. — Так туго? Нет? Вот и хорошо... Свои шедевры он шьет только по ночам, говорит, старческая бессонница суть движитель вдохновения! Так что ваше свадебное платье обещает быть чем-то выдающимся!

— Только этого мне не хватало! — вздохнула Матушка, представив себя в белом, пышном и выдающемся — кочан капусты, а не невеста!

* * *

— «Твое участие в его судьбе вызовет слишком много любопытства и кривотолков»... Так Рейвин сказала тогда! — Редьярд снова выпил ласуровку, не чокаясь.

А шут, слушая друга, позабыл о выпивке. Подпер подбородок длинными сплетенными пальцами, глядел с горечью. В год рождения Арка Дрюня еще не был королевским шутом. Просто приятелем, с которым весело проводить время в бесконечных попойках. Те попойки

он прекрасно помнил, а вот о событиях, происходивших во дворце, слышал из уст Редьярда впервые.

— И она была права, как, впрочем, и всегда! — вздохнул его величество и вдруг улыбнулся. — Рассудительная Рейвин... Порой мне не хватает ее мудрости, веришь, брат?

— Верю! — улыбнулся в ответ тот и вновь разлил напиток. Королеву он помнил прекрасно. — За ее величество! Виват!

— Виват! — согласился Редьярд. — А ведь были моменты, когда мне хотелось ее придушить!

— Полагаю, у нее тоже были, — лукаво блеснул глазами Дрюня, — но ты продолжай исповедоваться, братец, я слушаю!

* * *

— Присядь, дорогая!

Фирона послушно села. Раз Рейвин разрешила ей сесть в ее присутствии, значит, разговор пойдет серьезный.

— Довольна ли ты службой Первой фрейлины королевы? — между тем принялась спрашивать королева. — Устраивает ли тебя жалованье, выделенные покои?

Северянки не умели притворяться. Фирона поднялась, нервно комкая в руках платок.

— Ваше величество, со мной вы можете быть откровенной! — воскликнула она. — К чему эти заходы издалека? Вы собрались отправить меня обратно в Узамор?

Рейвин посмотрела на нее с изумлением.

— Почему ты так решила, Фирона? Разве я слышу среди людей неблагодарной? Разве забываю тех, кто был рядом со мной в трудное время?

Зрачки фрейлины расширились. Бледность будто присыпала мукой веснушки на некрасивом лице.

— Вы хотите... — прошептала она.

Быстро подойдя, королева взяла ее за руки.

— Только если ты тоже захочешь этого, дорогая! Приданое, пышную свадьбу, все, что полагается, я обеспечу! Не смогу дать тебе только любви будущего мужа. Ее ты должна будешь добиться сама!

Фирона молчала.

— Ну же! — мягко произнесла Рейвин.

Посмотрев в глаза королеве, фрейлина успела увидеть отголосок боли, давно знакомой обеим. Но все же спросила:

— Кто он?

— Ты его хорошо знаешь, — странным глухим голосом ответила Рейвин. — Графу Атрону рю Воронну прочат место Второго посла Ласурии в Крее. Как ты понимаешь, женитьба для дипломата — дело первой необходимости!

— А он согласится? — засомневалась собеседница.

— Если я прикажу — согласится! — холодно произнесла королева, и Фирона, не выдержав, закричала:

— Но как же вы? Как же?!

Рейвин осторожно высвободила пальцы. Отошла к окну. И уже оттуда сказала:

— Я жена и мать! Такова воля Пресветлой, и не мне в ней сомневаться! О твоих чувствах к нему я знала всегда, Фирона, однако это не отдалило тебя от меня... Наоборот! Нынче Индари дает тебе шанс, упущенный мной! Взамен я попрошу лишь об одном... одолжении!

Фрейлина смотрела на свою королеву с восторгом и ужасом, с горечью и обожанием. И с бесконечной преданностью.

— Для вас, ваше величество, я сделаю что угодно! — наконец сказала она.

Рейвин невесело усмехнулась:

— Дорогая, тебе придется стать матерью!

* * *

— А это, собственно, вся исповедь, — улыбнулся король, и облегчения в улыбке проскользнуло больше, нежели сожаления. — Мы с Рейв никогда не любили друг друга, однако с того момента шаг за шагом учились уважать личное пространство другого. Я не был ей хорошим мужем, но стремился делать все для Ласурии. И королева заняла место рядом. Достойное место. Да и матерью она оказалась замечательной. Жалею, что Кольке не досталось ее любви сполна, как Арку! Глядишь, и вырос бы чуток посерьезнее...

— Не вырос бы! — хохотнул Дрюня, разливая последнюю порцию ласуровки по стопкам. С сожалением потряс пустой бутылкой. — По Арку видно, что он удался в мать. А Колька, уж прости, братец, вылитый ты, остолоп!

— Велю отрубить голову за неуважение к династии! — беззлобно пригрозил Редьярд. Похоже, после разговора на душе у него и правда стало легче.

— За правду? — возмутился шут. — Ты — тиран и деспот!

В дверь постучали.

— Войдите! — со вздохом разрешил король.

— Ужин, ваше величество! — раздался деликатный голос Яна Грошека из-за створок. — С их величествами королем и королевой Гаракена, их высочествами и его светлостью герцогом Оришем. Семейный ужин!

— Чтоб они все подавились, — пробормотал Редьярд, тяжело поднимаясь.

Пол неожиданно ушел из-под его ног, и король упал бы, если б шут не успел сорваться с места и поддержать его. Пару минут оба стояли, покачиваясь, словно на палубе корабля. Затем понимающе переглянулись, кивнули и в один голос констатировали:

— Ласуровка, зар-р-раза!

— Ваше величество — время! — королевский секретарь наконец решился открыть дверь и заглянуть внутрь: — Нарушаем протокол!

— Надо итить! — провозгласил Дрюня. И перехватив его величество под руку, повел к двери.

Ласуровка — зар-р-раза! — до того момента пившаяся легко и сидевшая в организме тихо, двинула в голову тяжелым кулаком, спутала сознание.

— Пресвятые тапочки! — разглядев лица короля и его тени, пробормотал Ян и сделал знак гвардейскому эскорту выстроиться за ними.

Поскольку ужин был хоть и семейным, но на высшем уровне, все направились в Малую королевскую столовую. Грошек, тяжело вздыхая, деликатно подсказывал, куда его величеству следует повернуть стопы. Где-то на середине пути из-за поворота коридора раздалась

странные звуки — будто табун лошадей печатал шаг по брусчатке мостовой. Королевский секретарь побледнел, схватился за голову и заметался по коридору, ища возможность скрыться самому и спрятать короля со свитой.

— Никогда не видел, чтобы он так быстро бегал! — толкнув шута в бок, пьяно хихикнул Редьярд.

— А что такое? — заинтересовался Дрюня. Улучив момент, ухватил секретаря за полу камзола. — Стоять! Что происходит?

— Это же драгобужская делегация идет в выделенную им башню, то есть нам навстречу! — с ужасом пояснил Грошек. — А по этикету подгорного народа... — секретарь понизил голос — табун неумолимо приближался, — мы будем обязаны пригласить их на ужин! «Ежели уважающий себя мастер направляется на пир и встретит другого уважающего себя мастера, он обязан пригласить его следовать за собой к уважающему себя мастеру — устроителю пира. А тому вменяется в обязанность угостить всех пришедших на славу во имя Руфуса и Торуса!» — процитировал он по памяти. — Буллит триста пятьдесят шестой Регламента поведения почтенных мастеров!

— Ой! — посерел лицом Дрюня, а его величество сказал несколько слов, которые королю знать не полагалось.

— Прикажете затаиться? — поинтересовался у него офицер караула.

Как назло, в прямом коридоре таиться было негде. Разве что укрыться гобеленами с изображениями купающихся дев и рыцарских забав.

Из-за угла, печатая шаг, вышел драгобужский клин, ведомый рыжим Виньогретом. Дойдя до короля и свиты, клин лязгнул подкованными ботинками и остановился. На его величество уставилось с пару десятков мрачных глазок из-под насупленных бровей.

— Говори за меня! — сиплым голосом приказал король секретарю.

Тот, дрогнув папкой в руках, выступил вперед. Низко поклонился, прочистил горло.

— Уважаемый мастер Виньогрет и вы, уважаемые мастера гномы! — хорошо поставленным голосом произнес он. — Позвольте от всего большого ласурского сердца порадоваться нашей встрече в это позднее время и пригласить вас на ужин в честь невесты его высочества Колея — принцессы Ориданы Гаракенской!

Уважаемые мастера, переглянувшись, поклонились единым движением, подметя пол длинными бородами. Маленькие глазки загорелись радостью и предвкушением. Ей-ей, зрелище было страшное!

— Уважил так уважил, твое ласурское величество! — прогудел Виньогрет и поклонился снова. — С радостью принимаем приглашение!

Редьярд радушно улыбнулся и пробормотал шуту уголком рта:

— Лети стрелой в столовую — пусть составляют столы и несут яства! А я пока повожу их по дворцу!

— С... стрелой? — изумился Дрюня. В его глазах плескались выпитые стопки зар-разы ласуровки.

— Давайте я сбегаяю! — вызвался Ян. Непрерывно кланяясь, миновал толпу Синих гор мастеров и порскнул в сторону столовой.

— Други мои! — грянул король, приобнимая Цехового старшину — опираться на низенького гнома для устойчивости ему было удобнее, чем на Дрюню-долговязого. — Идите за мной!

— А где мы? — спустя полчаса хождения во дворцовой утробе шепотом

поинтересовался он у офицера караула.

— Это четвертый этаж восточной башни, — таким же шепотом отвечал офицер, — нам теперь полчасика возвращаться назад!

— Вот и прекрасно! — нахмурился король и громко икнул. — Так и было задумано! Други! — он повернулся к следовавшим за ним гномам. — Идемте, трапезная уже близко!

По лицам гвардейцев группы сопровождения — слава Пресветлой! — ничего нельзя было прочесть.

* * *

— Отца еще нет? — изумился принц Аркей, пропуская Бруни вперед — в Малую королевскую столовую.

— Никак нет, ваше высочество! — отрапортовал один из гвардейцев-красномундирщиков. — Ждем!

— Найдите его, срочно! — тихо приказал принц и, любезно улыбаясь, прошел к столу. Поклонился его величеству королю Йорли Гаракенскому, его старшему сыну, наследному принцу Харли. Поцеловал руки присутствующим дамам: ее величеству Орхидане и ее высочеству Оридане. Вежливо кивнул герцогу Оришу. Отодвинул стул для невесты. Представил ее присутствующим.

Принцесса, нахмутив бровки, изучала пустующие со стороны Ласурии стулья, что-то мучительно просчитывая.

— Прошу извинить моего отца, — делая знак садиться, сказал Аркей, — дела государственной важности задерживают его, однако это ни в коем случае не должно нам помешать предаться приятной во всех отношениях беседе!

— Конечно нет! — воскликнул принц Харли, черноволосый, смуглый и носатый, как его отец и дядя. — Насколько успешны ваши переговоры с гномами, мой друг? От их исхода зависит доход нашей страны, вы же понимаете? — и он заржал породистым скакуном.

Отец недовольно посмотрел на него.

Бруни, расправляя на коленях салфетку, подумала, что с таким, как этот Харли, на рынок ходить не стоит — проторгуется, раз сразу выкладывает все карты на стол.

— Мы беспокоимся о результате переговоров, — мягко улыбаясь, пояснила королева. Очень похожая на дочь, маленькая, темноволосая и темноглазая, она обладала редкостной красотой, от которой Оридана со своими резкими — в отца — чертами лица взяла лишь небольшую часть.

— Понимаю, — улыбнулся в ответ Кай и сделал знак слугам разливать напитки и наполнять тарелки. — Крей-Лималль — партнер, с которым нелегко договариваться!

— Вам это известно лучше других... — скупое заметил его величество Йорли, поднимая бокал. — Первый тост — за удачу!

Матушка лишь пригубила — розовое гаракенское, казалось, плескалось в ней по самую макушку, однако благодаря разумице, резкий, но не противный запах которой немного просветлял разум, глупости вроде смеха невпопад или икания наружу не просились.

Подняв взгляд, она заметила, что принц Харли внимательно разглядывает ее. Было в нем что-то от молодого охотничьего пса — то ли подергивания тонких крыльев носа, то ли нервная энергия, буквально плещущая наружу из темно-карих, почти черных, глаз.

— Я слышал, вы, моя дорогая будущая родственница, простая трактирщица? — с любопытством спросил он. — Неужели это правда?

Гаракенский король поморщился, гаракенская королева, тяжело вздохнув, отвела глаза. Фигли Ориш укоризненно покачал головой. Лишь Оридана смотрела на Матушку с интересом, незамутненными посторонними чувствами. Собственно, ее брат смотрел похоже, и Бруни неожиданно поняла, что, невзирая на всю неуместность вопроса, она никак не может счесть его оскорблением. Положив ладонь на плечо напрягшегося Кая, его невеста прямо ответила на взгляды венценосных гостей и произнесла:

— Мне действительно принадлежит трактир в Квартале Мастеровых, ваше высочество. Это дело, которое завела моя бабка, продолжили мои родители, а затем и я...

Все так же спокойно глядя в их лица, она перечислила блюда из основного меню, назвала годовой доход и примерное количество ежедневно столующихся у нее посетителей. Королевская чета, слушая ее, обменялась понимающими взглядами — гаракенцы, народ, издревле занимающийся торговлей, понимали толк в таких вещах, как доходы, прибыль и налоги.

— Здорово! — искренне восхитился Харли, когда Бруни замолчала, с трепетом ощущая на себе внимательный, любящий и отчасти изумленный взгляд Кая. — Я хотел бы попробовать эти ваши... вафли с кленовым сиропом и взбитыми сливками!

— Я могу приготовить, — машинально предложила Матушка и испуганно закрыла рот ладонью. — Ой, у меня же свадьба на носу!

За столом раздался дружный смех. Даже Аркей рассмеялся. Все еще смеясь, поцеловал ее в висок.

— Вы приготовить? Правда? — вмешалась Оридана и капризно надула губы. — Хочу!

Бруни в очередной раз отметила, что стоит гаракенке «снять» с себя официальную маску, как она становится сущим дитем. Дитем, которому никогда и ни в чем не отказывали.

— Почему нет? — улыбнулась она. — Для меня будет честью угостить ваши высочества и, — она вежливо склонила голову, — ваши величества, ежели на то будет ваше желание!

— Благодарим вас, милая девушка, — с симпатией ответила королева. — Мне тоже ужасно захотелось попробовать эти вафли!

Слуги, до того двигавшиеся размеренно и важно, будто в куртуазном танце, вдруг закружились в безумном хороводе. Перенесли от стен и составили в один еще три стола, спешно принялись накрывать.

— Что происходит? — удивился король Йорли.

Аркей, оглянувшись, увидел мелькнувшее в дверях бледное лицо секретаря. Попросив прощения у присутствующих, вышел, коротко переговорил с ним и вернулся. Вид у него был озабоченный.

— Что случилось, ваше высочество? — спросила королева.

— Где есть мой бывший муж? — видимо, наконец закончив подбирать правильные слова, нашла время поинтересоваться принцесса.

— Будущий, змейка моя, будущий! — поправил герцог Ориш.

— Он... постится! — нашелся Аркей, умело не отвечая на первый вопрос. — Ночь перед свадьбой следует проводить в раздумьях о величии страны, о божественном предназначении династии, изучать жизнеописания великих людей. Для того чтобы на следующий день войти в храм Пресветлой с возвышенными мыслями.

— Какая прекрасная традиция! — блеснул глазами король Йорли. — Неужели вы с

вашей невестой тоже будете всю ночь читать жизнеописания великих людей и соблюдать пост?

Пока принц раздумывал, что бы такое ответить, двери распахнулись и в Малую королевскую столовую ввалились король в обнимку с рыжим гномом и долговязым шутом и в сопровождении пары десятков уважающих себя мастеров.

— Йорли, старый ты хрыч! — возгласил Редьярд, отцепляя от себя неверно стоящего на ногах Дрюню. — Вы что же это, ужинаете без нас?

— Нам пришлось, Редьярд! — нахмурился тот. — Ты же занят делами государственной важности! — и он многозначительно посмотрел на гномов.

Под его взглядом те с достоинством поклонились.

— Еще как занят! — воскликнул ласурский король, подходя к столу и приглашая за него приведенных гостей. — Позвольте представить вам, мои будущие гаракенские родственники, главу драгобужской делегации Цехового старшину Виньогрета, Синих гор мастера! Мы, — он по-орлиному зорко глянул на поклонившегося их величествам гнома, — возлагаем большие надежды на сотрудничество с подгорным народом на благо всем нам!

— Это точно! — кивнул Йорли.

Наблюдая за диалогом, Бруни подумала, что вот, оказывается, как делается история! Поклон тут, представление там, общие интересы. И — ап! — коалиция против Крей-Лималля собрана!

— О чем вы разговаривали, пока мы шли? — поинтересовался Редьярд, усаживаясь рядом с Матушкой.

Поскольку Виньогрета он посадил рядом, на стул, на котором должен был сидеть принц Колей, Дрюне нашлось место среди гномов.

Слуги наполнили кубки, добавили ароматно пахнущих блюд на стол и отступили к стенам.

— Моя невеста прекрасно готовит, как ты знаешь, отец, — пояснил Кай, взяв руку Бруни в свои. — Наши гости пожелали оценить ее искусство, и мы договорились сделать это после официальных свадебных торжеств. Она испечет нам вафли.

Подняв брови, король посмотрел на Матушку. Были бы у него очки, наверняка сдвинул бы их на кончик носа.

— Никакие вафли не сравнятся с куском хорошо прожаренного мяса, да будет позволено мне сказать! — громыхнул Виньогрет.

— Он уже сказал! — хихикнул Дрюня.

— Что-о? — набычился гном.

— Мясо, говорю, это прекрасно! — воскликнул шут. — Но вино — еще прекраснее! А кстати, дорогие гости, не пугайтесь этих тонкостенных бокалов и красочных напитков. Ежели пожелаете, мы враз заменим их привычными вам кружками с пенным пивом!

— Он такой радушный, этот твой шут! — восхитился король Йорли, поглядывая на Редьярда. — Для него уже наточили топор?

— Давно! — проворчал тот. — Но, к сожалению, в целях объективного управления страной нужен кто-то, говорящий правду. Пусть уж это будет дурак, которого никто не принимает всерьез, нежели человек умный и имеющий авторитет у народа!

— Ты воистину мудр! — закатил глаза собеседник. Сдержанным ехидством гаракенского величества можно было бы отравить все ласурские колодцы.

Между тем гномы, активно переглядывавшиеся друг с другом, пришли, видимо, к

какому-то решению.

— Ваше величество, — обратился Виньогрет к Редьярду, — велите принести из наших покоев дубовый сундук с инкрустированными костью мерными весами на крышке. Мы желаем одарить хозяина пира в ответную!

— Буллит триста пятьдесят седьмой Регламента поведения почтенных мастеров... — шепотом пояснил Ян Грошек, все это время простоявший за правым плечом короля.

Редьярд переглянулся с Дрюней и приказал великодушно:

— Несите! Предвкушаю нечто чудесное!

— Вы даже не представляете — насколько! — широко улыбнулся рыжий старшина и потер ладони.

Спустя некоторое время четверо слуг притащили искомый сундук, сгибаясь от его тяжести, и водрузили прямо на стол. Толстые пальцы Виньогрета пробежались по клепкам, набирая одному ему известный код. Потайной замок щелкнул и открылся. Шестеро гномов, встав на стулья, почти забрались в сундук, чтобы извлечь на свет... огромную каменную бутыль. Весила бутыль немало — почтенные мастера держали ее, краснея лицами от натуги.

— Океанский творец, что это? — не сдержал изумления герцог Ориш.

— Да, что это такое? — поддержала его сестра, королева Орхидана.

— А это, — маслянисто поблескивая глазами, сообщил Виньогрет, — каменная водка. Настояна по древнему обычаю на скальной смоле и хвое!

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовавшийся правитель Ласурии тоже полез на стол, желая разглядеть поближе чудную бутыль. — Пресвятые тапочки, я слышал о таком напитке от отца, но думал, что это легенды вашего народа!

— Кажется, одну такую легенду мы сейчас отведаем! — тоже поднялся король Йорли. Его глаза горели предвкушением.

Бруни заметила, как королева переглянулась с братом.

— Разливайте, гости дорогие! — запустил необратимый процесс Дрюня, от нетерпения подпрыгивающий на стуле. — Легенд я еще не пивал, всё какие-то недоразумения!

Печать с бутылки была сорвана самим Виньогретом. Выбитая им тяжелая пробка ударилась об потолок и сшибла с ног одного из слуг. Того срочно унесли к мэтру Жужину. А по Малой королевской столовой пополз тяжелый аромат: пахло раскаленным металлом, стильным камнем, снегом и, совсем немного, сосновыми иголками.

Жидкость, разлитая по принесенным слугами простым глиняным кружкам, слабо дымилась. Бруни, как ни побаивалась пробовать неизведанный напиток, устоять не смогла — сказался профессиональный интерес. Потому при разливе смело протянула Цеховому старшине свою кружку. В глазах Виньогрета промелькнуло удивление, однако он аккуратно плеснул в нее напиток.

— Ну, за сотрудничество! — провозгласил Редьярд, когда первая порция была разлита. — Взаимовыгодное! Долголетнее! Приятное во всех отношениях!

— Эва как ты сказал, братец! — восхитился шут.

Кружки застучали друг об друга. Йорли чокался с Виньогретом, Аркей — с Харли, герцог Ориш — с Бруни и королевой, уважающие себя мастера — с Дрюней и друг с другом.

Матушка зажмурилась и вылила в себя пойло — оно показалось ей водой из самого студеного родника. Однако спустя мгновение она поняла, как ошиблась — на языке, в горле, в желудке разгорался, ревя и плюясь огнем, шар пламени, выбивая слезы из глаз и кашель из легких.

Кай, выпив свою порцию, с мгновенье сидел с закрытыми глазами. А затем нашарил на столе первую попавшуюся еду и сунул в рот, принимаясь торопливо жевать.

— Божественно, други! — воскликнул Йорли. Гаракенец пил стоя и, кажется, наслаждаясь каждой каплей огненной воды. — Это божественно! Почтенный Виньогрет, я предоставляю вашему народу монополию на торговлю этим напитком, если вы захотите ввозить его к нам!

Гном степенно вытер усы и бороду и поклонился.

— Этот напиток, как вы изволили выразиться, ваше величество, не продается! Его можно получить только в дар от уважающего себя мастера. Вот о нашем самогоне можем поговорить... когда вы снизите пошлину на ввоз алкоголя!

Редьярд и Йорли переглянулись.

— Мы обязательно снизим пошлину, мой друг, — широко улыбнулся последний, — но не ранее, чем вы подпишете договор о партнерстве с его величеством Редьярдом!

— Маленькие галюны будут вам обеспечены, уважаемые гномы, на всех моих кораблях! — мурлыкнул тот, поедая бутылъ взглядом.

Виньогрет усмехнулся и сделал знак держащим ее гномам разливать по новой. К слову сказать, это были уже не те гномы, что держали бутылъ вначале. Те вернулись к своим стульям, а их места заняла следующая смена.

— Подождите, не пейте! — вдруг закричал Дрюня и одним прыжком вскочил на стол рядом с бутылъю. — У меня есть что сказать!.. Сейчас!.. Вот сейчас!

Он нахмурился, шевеля губами, будто проговаривая про себя речь, а затем вдруг вытаращил глаза, напыжился и с поклоном прорычал:

— Драттрахар пульдергарген фрахт!

Гномы в восторге застучали подкованными каблуками об пол. Тот заходил ходуном.

— Фрахта нахтун? — уточнил Виньогрет. — Хаст хусним?

— Хусним! — облегченно махнул рукой шут и поклонился.

Почтенные мастера как один поднялись и поклонились в ответ.

— Дрюня, что это было? — нахмурившись, уточнил король.

— Ваш друг оказал нам великую честь, молвив приветствие на нашем языке! — ответил за него Цеховой старшина. — Мало кто из людей, не в обиду вам будет сказано, может правильно произносить слова подгорного народа! Ему удалось!

— Понял, братец, насколько я артистичен? — подмигнул ему Дрюня и, спрыгнув со стола, сел на место. — Разливайте, почтенные други, я в предвкушении!

— Мы в предвкушении! — вдруг поддакнула королева Орхидана. Щеки ее разрумянились, придавая смуглости лица приятный оттенок молодости, грудь неровно вздымалась под богатой, но скромной тканью серого платья.

Бруни машинально затеребила букет разумицы — каменная водка оказывала на нее, так же, видимо, как и на ее высочество, странное действие. Ей хотелось шалить. «Пресветлая, только этого не хватало!» — взмолилась она про себя и поднялась, положив руку на плечо Кая. Тот, едва взглянув на нее, моментально все понял.

— Ваше величество, — обратился он к королю Йорли, — время уже позднее, а день завтра — последний перед торжествами, которые продлятся долго. Надо дать возможность нашим прекрасным спутницам отдохнуть, вы не находите? — И он взглядом указал на раскрасневшуюся королеву, в глазах которой горело путеводными звездами неодолимое желание выпить.

— Оу... — изумился тот, внимательно разглядывая супругу. — Вы абсолютно правы, принц! Орхи, дорогая моя, нам кажется, вам пора баиньки!

— Вам кажется, что нам кажется, вам пора баиньки? — захихикала королева. Выражение лица у нее было блаженное. — А не пойти ли вам туда, где кажется о нас?

— Мау? — удивленно спросила дочь. Принцессе, как самой младшей среди присутствующих, не наливали.

— С мау все в порядке! — шлепнула ладонью по тарелке с салатом королева. — Мау нужно немного расслабиться!

Его величество Йорли, взглянув на его величество Редьярда, с восторгом следившего за перепалкой, одними губами произнес: «Помоги!» Тот шепнул что-то своему секретарю и воскликнул, мгновенно включаясь в игру:

— Моя драгоценная гостья! Доводилось ли вам видеть или пользоваться знаменитый эльфийский жемчуг, тот самый, что, по слухам, возвращает телу молодость, а лицу — красоту?

— Есть такой камень! — покивал Виньогрет, отставив на время кружку. — В полузатопленных подвалах хрустальных дворцов Лималля существуют подземные пещеры, полные серых жемчужниц. Ракушки неказисты на вид, но содержат мягкие розовые тела. И это не моллюски, как вы могли бы подумать! А самые что ни на есть жемчужины. Эластичные, как смола, теплые, как парное молоко. Эльфийки растягивают такую жемчужину пленкой и наносят на лицо. Эффект, скажу я вам, други, потрясающий!

— Хочу! — воскликнула принцесса Оридана.

Королева с подозрением посмотрела на дочь.

— Зачем тебе это? Да и мне не нужно, хотя... я бы взглянула... Из любопытства! Из чистого любопытства!

Алчность в ее глазах могла бы воспламенить водку во всех кружках.

Двери распахнулись. Ведомая Яном Грошеком, в столовую вошла герцогиня рю Филонель, стрельнула глазами в их величества и застыла в низком реверансе.

— Поднимитесь, моя золотая, — милостиво позволил Редьярд. — Ее величество Орхидана желает взглянуть на жемчуг... Да-да, тот самый! Сделайте милость, покажите его нашим дамам!

— Для ее величества мне ничего не жалко! — Агнуша кивнула так, будто была королеве ровней. — Я с удовольствием продемонстрирую это чудо моей родины и — более того — его волшебное действие!

— Вы — эльфийка? — расширила глаза Орхидана. — Настоящая? Везде?

В лице герцогини что-то дрогнуло, но ее не так-то просто было сбить с толку.

— Можете проверить, ваше величество! — вновь приседая в реверансе, сказала она. И снова стрельнула взглядом в Редьярда. Тот облизнул пересохшие губы.

— Ик...демте! — решительно икнула королева. — Смотреть этот ваш жемчуг! Оридана, за мной! Фигли, ты остаешься?

Герцог Ориш с сожалением посмотрел на бутылку, с интересом — на эльфийку, сбросил салфетку с колен и поднялся.

— Я, пожалуй, провожу вас, мои змейки!

— Бруни? — Орхидана протянула ей руку. — Вы ведь идете с нами, моя девочка?

— Конечно, — улыбнулась Матушка.

Аркей благодарно сжал ее пальцы и поднес к губам.

Когда они вышли, Йорли шумно выдохнули с хищным блеском в глазах посмотрел на Цехового старшину.

— Итак, — сказал он, — мы остановились на снижении пошрины...

— За снижение! — рявкнул тот, поднимая кружку.

* * *

Покои герцогини рю Филонель находились в одной из угловых башенок донжона. По странному стечению обстоятельств, эта башенка ближе всех располагалась к покоям Редьярда и дальше всех — от покоев почившей королевы. К башне вели обычные для дворца коридоры, скупо украшенные гобеленами и коваными держателями для факелов, а вот за большими двустворчатыми дверями, у которых, кстати, стояли навтыжку два гвардейца в красных мундирах, обстановка разительно менялась. Здесь было очень светло — магические лампы, помещенные в плафоны из морских раковин, давали мягкий рассеянный свет, не порождавший полутеней и сумерек по углам. Зеркала и переборки из прозрачного хрусталя делали помещения башни визуально просторнее. В стрельчатые окна днем вливались солнечные лучи, оживляя теплые оттенки паркета. Вдоль стен стояла удобная мебель из светлого дерева, а на пышных подушках в льняных чехлах с завязками были вышиты гладью роскошные букеты полевых и лесных цветов. Даже аромат тут царил чуждый Вишенрогу — не приморского города со всем разнообразием запахов от чудесных до отвратительных, а залитой солнцем лужайки, в траве которой горят задорными огоньками ягоды земляники.

— Вот сюда, ваше величество, на кушетку, — радушно улыбалась герцогиня, — а вы, ваше высочество, присаживайтесь рядом, на кресло. Сейчас принесут чего-нибудь прохладительного... Насколько я знаю, гномские пойла вызывают дикую жажду!

— Вы абсолютно правы, дорогая! — кивнула королева Орхидана, вытягиваясь на изящной кушетке, тонкими ножками и пенной гривой напомнившей Бруни мифического зверя, виденного однажды в старой книге. — В ваших покоях царит такая тишина! И так легко дышится!

— Благодарю, ваше величество, — умело затрепетала ресницами Агнуша. — Туссиана, будь добра, принеси нам аркаэль тайо!

— Аркаэль тайо? — заинтересовался герцог Ориш. — Что это такое?

— Звездная жемчужница, — перевела эльфийка. — Так мы называем это чудо природы.

— Очень красиво! — воскликнула королева, принимая у почтительно склонившейся фрейлины высокий бокал с прозрачным напитком, украшенным веточками какого-то растения. — О-о! Какой приятный аромат!

— Выпейте, — мягко сказала Агнуша, — это придаст вам сил и бодрости, прояснит сознание.

Фигли взглянул на нее с благодарностью и сам занялся напитком.

Пока гости смаковали неведомое питье, Бруни набралась смелости обратиться к хозяйке покоев.

— Я очень благодарна вашей светлости! — произнесла она. — Не знаю, как справилась бы без помощи госпожи Сузон!

Агнуша коснулась ее руки.

— Мой долг помочь вам, дитя! В этом дворце очень мало кто заботится друг о друге.

Надеюсь, мы с вами, Бруни, к ним не относимся! Однако вам следует срочно подумать о штате фрейлин и прислуги.

— Но... — попыталась возразить Матушка.

— Никаких «но»! — перебила герцогиня. — Замок ласурских королей огромен! Вам все равно понадобится кто-то для выполнения поручений. Поверьте мне, никаких туфелек не хватит, чтобы обойти его несколько раз за день!

Матушка как-то не рассматривала вопрос о прислуге с этой точки зрения, но, обдумав слова герцогини, решила, что та права.

— Мне понравилась одна из девушек, что приходили с госпожой Сузон, — Катарина, — сказала она. — Смышленная, с легким характером. Найти бы такую помощницу, опытную в дворцовых делах!

Рю Филонель внимательно посмотрела на собеседницу.

— Вижу, вы разбираетесь в людях! Для тех, кто попадает сюда, это несомненный плюс. Завтра я пришлю ее в полное ваше распоряжение!

— Нет, что вы, — смутилась Бруни, — у меня и в мыслях не было...

— Последнее слово всегда за мной, — сверкнула глазами Агнуша, показывая, что разговор завершен.

— Ваша светлость! — склонилась перед ней Туссиана, держа в руках круглое блюдо, накрытое льняным полотенцем.

Герцогиня сдернула полотенце. На нижней половине раковины лежал розовый шарик, похожий на сгусток отвердевшей краски.

Герцог Ориш отставил бокал. Орхидана с любопытством приподнялась.

— Это оно, ваша светлость?

— Да, ваше величество, это — звездная жемчужина. Но прошу, называйте меня просто — Агнуша! Ложитесь обратно, сейчас я буду делать из вас богиню! — тонко усмехнулась эльфийка.

— Какова продолжительность эффекта? — деловито поинтересовалась королева.

— Вы останетесь довольны! — пообещала герцогиня, осторожно беря жемчужину и грея ее в ладонях.

Спустя несколько минут тайо, поплывшая, как пластичное масло, была раскатана Агнушей на блюде при помощи специальной серебряной палочки и нанесена на лицо королевы. Поскольку той же палочкой она сделала в получившейся маске отверстия для рта и носа, задохнуться Орхидана не рисковала.

— Мау? — взволнованно спросила принцесса, когда ее величество неожиданно издала тихий стон.

— Не волнуйтесь, ваше высочество! — коснулась ее плеча герцогиня. — Жемчуг дарит очень приятные ощущения. Будто теплые пальцы любимого касаются кожи... Нежные пальцы... Вам еще не доводилось испытывать такого?

Матушка, с интересом следившая за процедурой, отметила мгновенный испуг в глазах Ориданы. По сердцу царапнуло тревогой — вопрос эльфийки был простой попыткой поддержать разговор, почему же невинная дева так отреагировала на него?

— Со мной все в порядке, милая! — проворковала королева. — Это действительно ужасно приятно!

— Советую вам подремать, ваше величество! — кивнула рю Филонель. — Эффект, полученный во сне, будет держаться еще дольше. Ну, — она посмотрела на Фигли Ориша, —

поскольку вы здесь единственный мужчина, герцог, вам нас и развлекать! Начинайте!

От глубокого вибрирующего голоса, которым она это произнесла, Ориш чуть не подавился веточкой из стакана. Впрочем, его живую натуру ничто не могло смутить. Прожевав веточку, он с улыбкой посмотрел на Агнушу и произнес:

— Гаракен расположен далеко от Тикрея, ваша светлость, и эльфов у нас почти не бывает, к сожалению! Ваш народ настолько красив, что любоваться вами — то же, что и любоваться произведениями искусства! Позвольте выразить вам истинное восхищение и благодарность за это приглашение! Поверьте, я глубоко оценил вашу заботу о моей сестре!

— Искусную речь приятного собеседника слушать вдвойне приятно... — благодарно наклонила голову герцогиня.

Перекаывая во рту стебелек неизвестной травы, Матушка пропускала мимо ушей светскую болтовню и скучала по своему Каю.

* * *

— Ты не понимаешь, твое королевское величество! — говорил, склонившись к нему, рыжий Цеховой старшина. — Нам, уважающим себя мастерам, не нужны маленькие гальюны! Смекаешь?

— Смекаю! — кивал тот. — Не! Не смекаю! Его бородатое величество Крамполтот выдвинул мне условие, связанное с этими самыми — Аркаеш их побери! — гальюнами!

— Не понимает! — гном переглянулся с почтенными мастерами, и те дружно покачали головами.

— Други, я тоже ничего не понимаю! — блаженно улыбнулся король Йорли. — Так давайте за это выпьем!

— За што? — одарил его тяжелым взглядом Виньогрет.

— За понимание! — провозгласил Йорли, поднимая кружку.

Каменная бутылка казалась бездонной.

— За понимание! — взревели гномы и застучали заскорузлыми трудовыми ладонями по столу.

— Братец, — к Редьярду подобрался шут. Шел он очень прямо, несмотря на лихорадочный блеск в глазах и двоих уважающих себя мастеров, которые вели его под руки. — А я ведь понял, о чем тебе пытается сказать уважаемый друг Виньогрет! Ик! Вот они — издержки вербаль... ик... ного общения! Цеховой старшина, может быть, вам стоит действовать по-другому?

— Не понял? — удивился тот.

Дрюня, поддерживаемый гномами, наклонился к нему и что-то горячо зашептал на ухо.

— О! — гном с изумлением посмотрел на него. — О! Я и не думал, что все так просто и сложно одновременно!

— Конечно! — воскликнул шут. — Ну посуди сам, почтенный старшина, откуда бы его нетрезвому величеству знать, что... — и он снова зашептал ему на ухо.

— Дрюня, ты меня не уважаешь! — погрозил ему пальцем Редьярд. — Я почти трезвый!

— А я — почти нетрезвый! — воскликнул король Йорли и поднял кружку. — За здоровый образ жизни!

— За образ! — заулыбались гномы, топая ногами.

Некоторые из них, после опорожнения собственных кружек, сталкивались друг с другом лбами с таким звуком, будто были взрослыми лосями, а не гномами.

Принц Аркей наклонился к отцу.

— Ты позволишь мне уйти?

— Больше не можешь пить этот божественный напиток? — удивился тот.

— От этого божественного напитка я забыл, как зовут всех присутствующих, включая меня самого! — признался принц. — А мне завтра еще работать целый день!

— И завтра, и послезавтра, и после свадьбы... — захохотал его величество. — Сынок, как я рад, что ты пошел в мать!

— То есть медового месяца у меня не будет? — уточнил Аркей.

— Седмица! — отрезал Редьярд, прекращая смех. — Опосля всех празднеств! А потом нас ждет служение отечеству!

Аркей поднялся и поклонился присутствующим со всей осторожностью — пол под ногами вел себя странно. Дворцовым каменным плитам так себя вести ну никак не полагалось!

— Прошу меня простить, ваши величества, ваше высочество... — он бросил удивленный взгляд на неподвижно застывшего принца Харли. Как выяснилось впоследствии, после первой порции каменной водки тот так и заснул. — ...И вы, уважающие себя мастера! Меня ждут нет... нел... нето... ложные дела! — К гордости отца, старший сын почти справился со сложной фразой. — Поэтому я вынужден вас покинуть! Приятного... — на слове «времяпровождения» его высочество запнулся и аккуратно вышел.

— Молодежь! — вздохнул король Йорли, с сожалением поглядев на сына, спящего с открытым ртом, но высоко поднятой кружкой. — Вот мы в наше время гудели ночи напролет! Рэд, помнишь ли ты мой первый визит в Ласурию? Мне было... Сколько же мне было?

— Пятнадцать, — улыбнулся его величество. — Ты был веселый, прыщавый и озабоченный! Скольких девок мы попортили!

— Да-а! — подал голос Цеховой старшина и вдруг швырнул в дальнюю стену свою кружку. — Дети нынче не те! Без почтения к предкам растут! Хоть кол им на голове теши!

Повинуясь движению огненных бровей, уважающие себя мастера поставили перед ним новую посуду, полную до краев.

— За предков? — осторожно поинтересовался Йорли, заметив, как потемнел лицом Виньогрет.

— За них! — топнул ногой тот. — Они, между прочим, думали только о работе! Как бы поглубже вгрызться в земные недра! А этим желторотикам любовью подавай!

— За предков! За земные недра! — завопили гномы, приходя в невиданный экстаз. Несколько кружек лопнули в чересчур возбужденных руках.

Вылив в себя всю порцию каменного пойла зараз, рыжий старшина вспрыгнул на стол и взревел:

Ударим киркой — дрожит земля,
Степенный грохот шаги впечатал,
Мы низкорослы, но мы семья,
Для нас все тайны мир запечатал
В земные недра, в земные недра, недра, недра, недра!

— Я от него балдею! — пытаюсь перекрыть рев уважающих себя мастеров, подпевающих главе делегации, заорал Дрюня Рэду. — Это ж мехи, а не легкие!

По древнему замку ласурских королей неслось, сдувая тех, кто попадался на пути:

Суровым взглядом смотрю вокруг,
Мои ладони как камень тверды.
Топор и кирка — семья и друг,
Во мне вся сила земной породы,
Земные недра, земные недра, недра, недра, недра!

Учтив поклон мой, учтива речь,
Да свысока смотреть не стоит,
Слетает быстро у наглых с плеч
Та часть, которой склониться стоит
В земные недра, в земные недра, в недра, в недра, в недра!

В покоях принца Аркея проснувшийся Стрёма залился гулким лаем, разбившимся о своды потолка на тысячи отголосков.

Раскрою тайны земных пород,
Руда и камни блеснут навстречу.
Умелый мастер длиннобород,
Еще немало диковин встречу
В земных недрах, в земных недрах, недрах, недрах, недрах!

У одного из окон изящной башенки застыла маленькая фигурка в щегольском сюртуке. Чуткие пальцы стерли невольные слезы со щек, привычным жестом оправили аккуратную бородку. Тонкие губы тихонько шептали наизусть:

Поднимем кружки, воскликнем «Хо!»,
Сплетем косицу бород курчавых,
И эль, и пиво пойдут легко
Под взглядом гномеллы величавой
В наши недра, в наши недра, недра, недра, недра!

* * *

Когда Туссиана напомнила о встрече с мастером Артазелем для пошива свадебного платья, Матушка так обрадовалась, что едва не выдала окружающим своих чувств. Ей уже не хватало терпения выслушивать лесть герцога Ориша, такую приторную, что она не рискнула

бы добавить ее в тесто для самого сладкого пирога, боясь его испортить. В ответных словах эльфийки она почти ничего не понимала — та искусно прикрывала один смысл другим, тасовала слова, как карточную колоду, в результате чего Фигли Ориш слышал одно, королева Орхидана — другое, а принцесса Оридана скучала, как и сама Бруни, только более откровенно.

Результата применения аркаэль тайо Матушка так и не дождалась — маску из звездного жемчуга ее величеству следовало держать около часа.

— Идите к мастеру Артазелю, дитя! — услышав напоминание горничной, позволила рю Филонель. — Он не любит, когда опаздывают. Туссиана проводит вас...

Первая горничная провела Матушку какими-то запутанными переходами — Бруни даже не пыталась их запомнить — и оставила перед стрельчатой дверью, в которую она однажды уже имела честь войти. Матушка постучала, но не получила ответа. Оглянулась в ту сторону, куда ушла Туссиана, и зябко поежилась от глянувшей из коридора темноты. Все-таки дворец пугал ее — размерами, интерьерами, слабым освещением.

Набравшись смелости, она толкнула створку в покои мастера Артазеля. В свое прошлое посещение Бруни плохо запомнила обстановку то ли от волнения, то ли оттого, что портной, встретив ее с Ваниллой у порога, тут же взял в оборот, сыпал шутками-прибаутками, вертел их, будто кукол, примеряя отрезы ткани. Сейчас же в открывшейся взору просторной зале с зеркалами, выставленными в центре по кругу, было пусто. В камине жарко пылал огонь, играя в прятки сам с собой в оборотной стороне стекол. Рядом с круглым пуфиком на полу лежали пушистые овчинные шкуры, выкрашенные в разные цвета. Несмотря на поздний час в помещении хватало света — его изливала огромная люстра, увешанная магическими лампадками.

— Добрых улыбок и теплых объятий, мастер Артазель! — сказала Матушка осторожно. Ей казалось, по такой большой зале обязательно пойдет гулкое эхо. Но было тихо, лишь потрескивали поленья за каминной решеткой.

— Моя дорогая, наконец-то! — раздалось от дальней стены.

Откинув расшитую красочными птицами занавесь, в зал вошел маленький мастер. Подойдя к Бруни, низко поклонился:

— Ваше высочество!

Не зная, что сказать в ответ, Матушка тоже вежливо поклонилась.

— Идите вот сюда! — Артазель взял ее за руку и подвел к пуфику. — Примерка не займет много времени!

— Примерка? — изумилась Бруни. — Так платье готово?

— Конечно, — снисходительно улыбнулся гном, — я начал работать над ним, едва до меня дошел слух о том, что его величество дал благословение на брак, то есть, — он хитро улыбнулся, — почти сразу после вашего появления во дворце! Скидывайте туфельки, я помогу вам, вот здесь ступенечка...

Матушка поднялась на возвышение и отразилась сразу во всех зеркалах.

— Вам потребуется переодеться, — запрокинул голову мастер, разглядывая ее снизу вверх. — Послать за прислугой?

— У меня ее нет, — невольно улыбнулась Бруни.

— О-о! — изумился гном и стянул с носа очки. — Я как-то не подумал о таком узоре! Платье очень простое, возможно, вы могли бы...

— Могла бы! — твердо сказала Матушка. — Давайте начнем примерку!

— Не терпится выйти замуж? — лукаво усмехнулся Артазель и скрылся в соседней комнате.

Спустя несколько минут он появился, неся на вытянутых руках нечто невесомое, и протянул его Бруни.

— Держите, ваше высочество! Вот здесь и здесь. Встряхните!

Матушка тряхнула сверток — и тот вдруг раскрылся, как бутон неведомого цветка. Тончайшая ткань струилась потоками, переливалась солнечными искорками на речном полотне и была нежнейшего оттенка неба ранним утром ветреного дня. Такого нежнейшего, что платье казалось почти белым. Розово-чайный цвет то плескал из раскрывающихся складок юбки, то пробежал по узким рукавам, украшенным по краям вышивкой драгоценными камнями и золотыми нитями, то оглаживал неглубокий полукруглый вырез лифа, также обшитый драгоценностями.

— Я немного не доделал... Вот здесь, где шнуровка... Длину подола... Кстати, ваше высочество, каблуки на ваших туфельках должны быть высокими или не очень?

— Не очень! — воскликнула Бруни. — Иначе я упаду!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Стихи (здесь и далее, если не указано иное) Татьяны Резниковой специально для «Золушек нашего Двора».